

МИФЫ
СЛОВ
МАСТЕР
КА

ЮРИЙ НЕКРАСОВ

Осень
призраков

ТЕБЕ НЕ СПРЯТАТЬСЯ, ТЫ ВИНОВАТ

Юрий Александрович Некрасов

Осень призраков

Серия «Сломанный миф. Изнанка»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67689528
Осень призраков: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169388-6*

Аннотация

Настоящие герои не умирают, они превращаются в призраков. Осень требует новые жертвы: дом сломан, призраки погибают один за другим, правда лезет из-под земли кривыми пальцами скелетов, мальчик в подвале пытается оживлять мёртвых, пророк Рэндж идёт сквозь сожжённый цирк, королевский инспектор Холдсток суёт свой нос куда не следует и оказывается один на один с монстром. В город приходит «Осень призраков», она беспощадна и безумна.

Продолжение романа «Призраки осени».

Смесь мистики и хоррора, написанная в лучших традициях Кинга и Лавкрафта.

Герои, чьё прошлое ещё темнее их будущего, обречены блуждать во тьме, их линии сплетаются в пугающей головоломке.

Масштабное сюжетное полотно, через которое чёрной нитью тянется мистическая составляющая, пробуждающая глубинные страхи. Кто достаточно смел, чтобы рискнуть?

Содержание

Пятьдесят слов от автора	5
Что произошло в «Призраках осени»	6
Кто есть кто в романе	13
Песок	17
Christian song	31
Человек по имени Свет	50
Верить ногами	62
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Юрий Александрович Некрасов Осень призраков

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Некрасов Ю. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Пятьдесят слов от автора

Говоря современным языком, «Призраки осени» и «Осень призраков» – первый сезон большого литературного сериала, в котором написаны уже три тома. Я очень хочу, чтобы мы распутали корни этой истории вместе, для этого нужна самая малость: я буду писать, а вы – читайте и ужасайтесь. Призраки еще не раз вас удивят, обещаю.

Юрий Некрасов, январь 2022

Что произошло в «Призраках осени»

На холме Кривой Нос стоит над городом древний особняк. В нем доживает вечность неполная дюжина призраков. В подвале дома похоронено чудовище. Когда-то его сила была велика, но с годами почти исчезла. Теперь чудовище выползает наружу туманом и следит за происходящим в доме с помощью тараканов.

Тварь не утратила своей главной способности: она заставляет призраков звать из города их прямых потомков. Противиться такому зову не может никто, в ком течет кровь людей, умерших и застрывших в доме. Чтобы очередность зова была честной, призраки играют в карты. Проигравший заманивает своего потомка и обрекает его на смерть.

История дома и его обитателей полна загадок. Кто и зачем построил этот дом? Кто все эти призраки? Как они обрели жизнь после смерти? Что связывает их с тварью в подвале и почему она имеет над ними власть?

Призраки подчиняются чудовищу из страха, ведь оно может сожрать их вместо наследников, а призраки хотят жить, даже в таком вымороченном, бестелесном состоянии. Тем более что среди них зреет заговор.

Дом и погребенные в нем тайны привлекают разных людей.

Шейла приходит с подругами. Она была здесь не раз, мальчик из подвала обещал ей чудеса, если она приведет других девочек. Чудовище пожирает их, но оно разочаровано: среди тех, кто пришел, нет единственной, кого он действительно ждал. Кристина опоздала и боится в одиночку заходить в жуткий дом.

Велосипедист Берт чувствует, как нечто заставляет его приехать к дому. В окне он видит таинственную девушку, чье лицо скрыто зеленой вуалью. Берт хочет войти, но девушка сквозь дверь отговаривает его. Берт не знает, что девушка – призрак, а его самого притащил сюда прапрадед, желая скормить твари. Берт обещает вернуться позже и разобраться, кто эта девушка и почему ее силой держат в доме.

Кроме призраков в доме есть один живой постоялец – слуга твари, бродяга и наркоторговец Винни. Монстр связал его с собой каким-то мистическим образом. Сбежать из города и порвать с тварью Винни не может.

Берт возвращается за девушкой в зеленой вуали и сталкивается с Винни. Они дерутся, и Берт проигрывает. Дом гудит от возбуждения, чудовище в подвале ждет пиршества, ведь Берт – наследник одного из призраков, идеальная для чудовища трапеза. Но девушка в зеленой вуали спасает Берта, накормив собой тварь.

Пропажей детей занимается полиция, копы обыскивают

дом, но ничего не находят. Зато у детектива Доплера во время этого осмотра пропадает револьвер...

Брат Шейлы – Люк – не может найти себе места, ведь это он проболтался сестре про дом и пытался отговорить ее туда лезть. Люка связывает с домом особая тайна – он был здесь и разрисовал стены. Нечто разговаривало с ним, и его картины на стенах оживали. Теперь Люк уверен, что в доме живет зло, которое он должен уничтожить. Люк берет керосин и отправляется на подвиг. Призраки нападают на Люка, когда тот поджигает дом. Винни бросается тушить пожар и преграждает путь наружу. Люк вынужден прятаться в доме. Ему помогает одна из призраков, но тварь из подвала не собирается просто так отпускать мальчишку. В попытке выбраться из дома по трубе дымохода Люк падает с крыши и сильно разбивается.

Детектив Доплер, который расследует дело о пропаже детей, имеет собственный жуткий секрет в шкафу: его жена – медиум, которая телом чувствует чужую смерть. Много лет назад Доплер выкрал ее, еще девчонкой, из клиники душевнобольных, где происходили таинственные убийства. Он прячет жену у себя в подвале и использует ее странные способности, строя карьеру.

На дверях дома на холме вывеска: «Продается». Лайт Филлсон – риелтор, который пытается его продать, приводит на показ двух странных людей, они улыбаются, не разжимая

губ. Осматривая дом, покупатели слышат крики из подвала. Мужчина спускается вниз и выносит оттуда избитого Берта. Его нужно везти в больницу. Риелтор тайком пишет послание на зеркале, один из призраков его читает и стирает. Каждому в этом доме есть что скрывать.

Вечером странные покупатели вторгаются в дом риелтора Филлсона. Они широко, не скрываясь, улыбаются. Вместо зубов у них во рту рыболовные крючки. Покупатели объясняют Лайту, что дом ценен только для них и именно они обязаны его купить. Риелтор понимает, что перед ним не обычные люди, а какие-то твари.

Жена детектива Доплера рвет наручники, которыми он сковывал ее в подвале, чтобы не повредила себя во время припадков, и начинает пророчествовать. Она видит, как призраки в доме на холме играют в покер, решая, кого отдать твари. Жена Доплера понимает, настало время выйти из тени, и заставляет мужа отправиться с ней.

Тварь туманом поднимается из подвала и надевает одного из призраков, как костюм. Настала пора сыграть по-крупному. Призраки раскидывают карты. Тварь проигрывает, но обманывает призраков, заставляя их напасть друг на друга.

Детектив, его жена-экстрасенс и риелтор находят у дома покалеченного мальчика Люка. Его кладут в ту же палату, что и избитого Берта. Они начинают общаться и понимают, что оба едва не погибли в доме. Берт уговаривает Люка вернуться и доделать то, зачем они туда лезли: Берт спасет де-

вушку в зеленой вуали, Люк отомстит за сестру.

Тварь в подвале решает, что ей нужен кто-то свой в городе. Руками Винни она достает из стены душу Шейлы. Винни делает для нее куклу. Шейла оживает в новом теле и бежит из дома. По дороге ее сбивает грузовик, водитель в ужасе привозит ее в ту же больницу, где лежат Люк и Берт.

Дежурный врач, которому кладут на стол живую куклу Шейлу, когда-то был врачом в психиатрической клинике, откуда детектив Доплер украл жену-экстрасенса. Хирург впадает в транс и видит не куклу, но живую девочку, которую срочно надо починить. В палату ломятся полицейские и другие врачи, но хирург заперся и никого не пускает. Шейла ранит доктора и сбегает из больницы. Но слух о том, что Шейла нашлась, облетает город: полицейские, Люк, Берт уверены, что она жива.

В голове куклы Шейлы горит одна мысль: Кристина предала ее, не пришла вместе с остальными в дом на холме. Из-за нее разгневался монстр. Из-за нее сожрал Шейлу. Она решает подкараулить Кристину, утащить ее в дом и захватить с помощью монстра ее живое тело.

Покупатели дома с рыболовными крючками во рту подкарауливают риелтора Филлсона и требуют, чтобы тот срочно продал им дом. Филлсон юлит, беспокоясь за судьбу одного из призраков, кроме того, детектив Доплер строго велел брать его с собой на любые дела, связанные с домом. Договариваются совершить сделку следующим утром у самого до-

ма.

Крючкоротые нападают на детектива с женой и едва не убивают. Доплер прячет жену на случайной квартире. У нее припадок. Доплер отвлекается от обещаний риелтору и на сделку утром не приходит.

На рассвете у дома встречаются риелтор и двое страшных покупателей. Лайт Филлсон отказывается продавать дом без полицейского, но покупатели хорошо подготовились к такому повороту: они подгоняют бульдозер и начинают сносить дом. Призраки мечутся в панике. Монстр в ужасе. Единственный, кто может помочь – Винни. Призраки достают из зеркала револьвер Доплера. Винни залезает на бульдозер и убивает водителя. В награду один из призраков достает из тела Винни то, что связывало его с монстром, и Винни сбегает.

Шейла убивает мать Кристины и вызывает дочь к маме на работу, говоря ее голосом. У жены детектива Доплера случается приступ, она видит все, что происходит с домом, Шейлу и решает помочь ей, преследуя свои цели. Жена сбегает от Доплера вместе с куклой Шейлой и захваченной ею Кристиной.

Детектив Доплер едет к дому на холме, уверенный, что туда отправилась его жена. Но там его встречают коллеги-полицейские, наполовину разрушенный дом и труп водителя бульдозера, убитый из револьвера Доплера. Детектива задерживают. По дороге в участок полицейская машина сбивает

Винни, который пытался ограбить магазин и поспешно оттуда сбежал. Их сажают в соседние камеры: детектива Доплера, Винни и хирурга, который, наплевав на все правила, решил самостоятельно оперировать пропавшую девочку Шейлу, а после ее упустил. В соседнюю с ними клетку ночью привозят странного человека. Тот неприятно скалит зубы, похожие на рыболовные крючки.

Кто есть кто в романе

Дюжина обитателей дома на холме Кривой Нос

Гарольд Холдсток – призрак мэра, отстроившего город после огромного пожара.

Леди Пустое Семя – призрак дамы с впечатляющей прической и чрезвычайно трагической судьбой, она основала приют для душевнобольных детей.

Фан-Дер-Глотт – призрак необычайно мрачного мужчины, который не отрицает, что был священником.

Круэл Райт – призрак бунтаря, влачившего скучную жизнь почтальона до того, как угодил в подвал дома на холме.

Гордон Бёрн – призрак охотника, человек холодного ума и стального коварства.

Леди Зеленое Солнце – призрак хозяйки опиумного притона, который достался ей по наследству от ею же убиенного папаша.

Виски-Джэк – пропащий человек, призрак оперного певца и гуляки, видел, как небо нисходит на землю с противоестественными дарами.

Чиз – призрак кухарки, которая таит под сердцем такие

страхи, что не вынес бы ни один мужчина.

Голос-из-Тени – создание, пришедшее в дом вместе с его душой.

Душекрад – призрак юноши с седыми волосами, язвительный и убитый тоской, любимец твари из подвала.

Мириам Дутль – призрак девицы, не узнавшей мужской любви, но дальновидно злоумышляющей.

Винни – пустой человек без выдумки и занятий, был у монстра в подвале на посылках, но сорвался с крючка.

Люди, которых привлекает дом

Берт Райт – добрый малый, которого заманил на холм его прапрадед Круел Райт, в итоге подарив наследнику мечту.

Лайт Филлсон – смертный возлюбленный Мириам Дутль, который делает все, чтобы сломать себе жизнь.

Люк Комpton – талантливый мальчик, навлекший беду на себя и семью своими рисунками.

Шейла Комpton – картонная кукла, при жизни бывшая сестрой Люку, а теперь ломающая любые стены.

Кристина – внимательная девочка, изучившая историю города заметно глубже, чем обычный читатель.

Саймон Глотвик – доктор, который не сумел никого спасти, но отремонтировал Шейлу.

Полицейские

Сэм Доплер – знакомый по фильмам коп, одержимый охотой на маньяков, в погоне за которыми едва не потерял себя.

Слаповски – амбициозный коп, который не видит дальше своего носа.

Финч – напарник амбициозного копа, у которого в карманах спрятана пара сюрпризов.

Прочие твари

Линк – царь карнавала, человек с крайне неприятным железом во рту.

Линда – жена Линка, из художницы ставшая монстром.

Барбара – женщина-отмычка, видящая скрытое, но не умеющая с ним договориться.

Люди из прошлого

Рэндж Ньютон – человек, топивший свою дочь и заплативший за это целым миром.

Кэтрин – дочь Рэнджа Ньютона, решившая стать карлицей.

Макабр – великий артист цирка, пылающий от зависти.

Кобольд – хозяин цирка карликов, готовый на все ради Бога.

Гистас – самый сильный в мире карлик, отдавший жизнь за Пророка.

Сестры Мейдж – гуттаперчевые близняшки, способные уложить собственные задницы себе на голову.

Песок

Рэнджс Ньютон не пил десять дней.

На одиннадцатый он открыл глаза и увидел плоское небо цвета мочи. Настроение было ему под стать. День сулил очередную прогулку по раскаленной сковороде. К полудню песок обжигал так, что лошадям приходилось надевать мешки на копыта, иначе животные бесились и сбрасывали всадников.

Рэнджс попытался подняться и со стоном перекатился на бок. Веревка, которой руки были примотаны к туловищу, контролировала каждое движение, но позволяла крови свободно бежать по венам.

Макабр крутил барабаны и с преувеличенным тщанием проверял, все ли патроны на месте.

Ньютон понял, что его разбудило. Не было выстрелов.

– Эти стервятники что-то задумали, – бросил Макабр через плечо. На Рэнджса он даже не взглянул. Потом рассовал револьверы по поясным кобурам и достал еще несколько стволов. Ньютону было невдомек, зачем тому столько оружия.

– Погляди сам, – Макабр приглашающе ткнул пушкой в сторону зубчатой гряды холмов. – Вон и вон.

Север пятнали четыре темные точки. Они явно знали, что к полудню здесь настанет ад, и спешили нагнать пут-

ников первыми.

– Решил заглянуть на огонек, – Макабр из-под мышки указал стволом за спину Рэнджу. – И не один.

Еще три тени решительно двигались в их сторону с юга.

– Два дня, – Макабр почесал лоб мушкой. – Чертовых двое суток, и мы бы исчезли в каньоне Золотых Сердец.

Они покинули монастырь вдвоем.

Макабр распял Ньютона на дереве и исчез на несколько часов в горной обители. На звук дыхания человека из песков вышел койот и долго обнюхивал его. Рэндж оценил иронию. Вместо копья – зубы. Римский легионер Лонген – и линяющий койот. «Так ведь и ты так себе Мессия», – скривился Ньютон, но койот все рассудил по совести, отбежал к соседнему дереву и помочился на ствол. Презрение – вот что прочитал Рэндж во взгляде облезлой худой твари.

Макабр вернулся к ночи. Он пыхтел под двумя мешками с награбленным и проклинал горы, трупы и чертова Пророка. Отвязав Рэнджа, Макабр попытался его навьючить. Но Ньютон едва переставлял ноги. Макабр угрожал, смешно ярился и размахивал револьвером, тогда Рэндж воздухом плюнул ему в лицо. Слюны не было, а пули он не боялся. Макабр сбил Ньютона с ног и немного поработал над его улыбкой. Пустыня приняла щедрое подаяние – три зуба.

В лагере Макабра ждала четверка лошадей. Они двинулись в путь, не дожидаясь утра. Десять миль среди скал.

Каленые иглы в задницу Ньютону. Он держался в седле только потому, что Макабр его привязал. Лошади шли шагом. Одолевали не более пары миль в час по проторенной тропе.

– Я не дам тебе воды, – предупредил Макабр. – Спрут черпает из нее силу, а колдовство мне ни к чему. Ты не сдохнешь, я уверен.

– Лешней еды у меня тоже нет, – чуть позже добавил он. – Вздумаешь выламывать фокусы, посмотри на горизонт. Видишь точки спереди и позади тебя? Это твои знаки дороги: полярная смерть и крышка гроба. К первой ты бежишь, вторая тащится следом.

Макабр исступленно следил за чистотой своих рук, каждый раз, когда он намывливал их, нюхал, выскребал грязь из-под ногтей, на него накатывала болтливость. Ньютон закрывал глаза, но заткнуть уши не мог. Таков удел немых – казаться идеальными собеседниками.

– Руки важней, чем глаза. Руками касаешься Бога. Я-то знаю, какого Бога ты щупал. Мерзкий урод! Ты и эта тварь! Ничего-ничего, вы мне заплатите. Вы дорого мне заплатите. За каждый день, каждую минуту. За сейчас! Видишь дымы? Каждое утро и каждый вечер я буду подавать сигнал – условленное число выстрелов, для каждого дня – свое. Макабр все предусмотрел! Если мои друзья не услышат выстрелов, они прискачут сюда, на стоянку, где видели дым нашего костра последний раз. Каким бы ловким ты ни был,

далеко не уйдешь. Парни – первый класс! Живоде­ры и душе­губы, все, как ты любишь, высший разряд. И они любят мя­со! Беспомощное жалкое мясо. Ты же не хочешь стать ту­шей на вертеле? Сомневаюсь, что даже твоя неуязвимость будет рада костру.

Путешествие грозило затянуться.

Макабр сдавал быстрее Рэнджа, хотя постоянно отхле­бивал из фляги и что-то жевал. С каждым днем волосы Макабра все сильнее напоминали гнилую солому, а лицо – пе­ченую в кожуре картофелину. Только глаза карлика полы­хали все безумней, все ярче.

Пустыня сдала Ньютона, как неудобную карту. Зной, пе­сок и ветер мусолили его, загибали уголки, метили и комка­ли. Такой у пустыни была вся колода, но Рэндж отличался от всех ее обитателей, угадывался безошибочно при любой раздаче. Он выделялся. Пятая масть. Ньютон не пил, пу­стыня брала дань не потом и жаждой, а каким-то эсуп­ким окаменением плоти. Веревки стерли кожу до глубоких ссадин, но кровь сыпалась из них красной солью и тут же зарастала струпьями, похожими на слюду. Детский шрам, тянувшийся от правой глазницы через висок, отвердел и на­поминал роговой нарост. Ньютону не перепало ни крошки с ночи, когда они покинули монастырь, песок проник в его ко­сти и шуриал изнутри, призывая дождь.

Макабр сох.

Рэндж менялся.

И не умирал там, где любой другой пил бы уже из Леты.

Гости неумолимо приближались. Макабр наступал зубами замысловатый ритм, огляделся, погрозил небу револьвером и приготовился держать оборону. Рэндж безучастно смотрел за его суетой. Они заночевали на плоской, как громадный блин, равнине. Спрятаться было негде. Макабр расседлал лошадей, отогнал в сторону, а сам разложил седла и мешки по кругу, спрятал среди пожитков заряженные револьверы. Прежнему Ньютону это показалось бы смешным. Нынешний жалел Макабра. И себя. Скверная участь – сдохнуть с пастью, набитой песком. Споткнуться на предпоследнем шаге. Свернуть шею на ступеньках родного дома. Никогда больше не увидит Кэтрин.

От Ньютона не было никакой пользы. Дерево, и то помогло бы больше.

– Что бы ни случилось, – предупредил Макабр, срезая ветки. – Я – твой волшебный ключик. Держись меня!

«О чем ты?!» – изумился Рэндж, глядя, как гости осаживают лошадей у их бивуака. У головорезов и живодеров оказались простые грубые лица. С иссеченных песком фасадов смотрели привычные ко всему глаза. Ньютон одинаково хорошо представлял этих людей принимающими роды у коровы и сдирающими скальпы с индейских детей.

Гости не стали спешиваться. Опущенные стволы ружей

красноречиво молчали о том, кто будет смеяться последним.

— Где мой брат? Где этот чертов ублюдок? — Мужчина с лицом в белой решетке шрамов скинул шляпу и утер пот со лба. «На редкость странное украшение», — оценил Рэндж и принялся рассматривать остальных. Их отметины оказались не менее яркими: борода одного завивалась в десяток косичек, каждую украшал клык, причем хозяин не брезговал и человеческими зубами; другого бандита отличали срезанные веки, отчего глаза торчали двумя бильярдными шарами, увитыми кровавыми жилами: казалось, они следили за всеми сразу, где бы ты ни стоял, куда ни прятался.

— Я удивлен, Мак-Брайт, более того, я раздосадован! — Макабр задрал голову, и Рэндж поразился ясному бесстрашию его голоса. — Ты нарушил уговор, а там все было четко: идешь впереди, слушаешь выстрелы по утрам и на закате, торчишь путь, не задаешь вопросов.

— Что-то запаздывает, — Мак-Брайт повернулся к спутникам, не обращая внимания на слова карлика, и принялся вглядываться в стеклянистое утреннее марево. Бандит с косичками стащил сапоги и по очереди вытряхнул из них песок. Обулся. Поерзал в седле. Вынул револьвер, покрутил на пальце. На лице бандита гуляла скука, но тут, будто вспомнив о деле, он наклонился и всмотрелся Макабру в лицо. Тот стоял, не меняя позы. Солнце высекало искры из револьверов в его опущенных руках. Было видно, что к таким спектак-

лям Макабр привычен. Двое остальных бандитов на происходящее не отвлекались, они изучали горизонт. Бандит с косячками рыгнул и слез с лошади. Макабр следил за ним, пока он не достал нож и не принялся потрошить один из мешков карлика.

– Любезнейший, – скрипнул зубами Макабр. – Прошу вас, оставьте в покое наши вещи. Мы паковали их без расчета на ваше любопытство.

Пучеглазый зауhal из седла. Оценил шутку. Мак-Брайт покосился на подельника: тот увлеченно копался в барахле Макабра. Все взгляды сошлись на карлике. Бандиты ухмылялись, потрошитель мешков гнусаво запел. Что станешь делать, обрубок? Макабр бледно улыбнулся и спустил курок. На песок брызнули кровавые головастики. Бородач завалился на мешки. Лошади встали на дыбы. Пучеглазый не удержался в седле. Макабр с двух рук превратил его в меси-во еще в полете. На Мак-Брайта рук не хватило. Но он и не думал подставляться.

Макабр откатился за тряпичную баррикаду, отбросил опустевшие стволы и подхватил заряженные. Мак-Брайт сбил Рэнджа наземь и поднял его подбородок вороненым пальцем полковника Кольта.

– Пат, – чиркнул сквозь зубы Мак-Брайт, и его лицо со шрамом расколосось звериным лаем. Он хохотал. Мак-Брайт находил эту ситуацию искренне смешной.

– А ты попробуй, – разрешил Макабр, и от его щедрости

внутри Ньютона все оборвалось.

– Стой-стой! – обеспокоился Мак-Брайт. – Не дури. Я его кончу, ты меня знаешь.

– Давай-давай, рискни. Как тебе море в штанах? Уже обделался?

– Пять минут! – заорал Мак-Брайт, обернувшись и смерив взглядом приближающихся всадников.

– Минимум семь, а то и все десять.

«Ты так уверен в моей неуязвимости, – задержал дыхание Рэндж. – Отчего же ты не стреляешь сам?»

– Я выстрелю!

– В любом случае ты – покойник! Мразь! Наш договор!

– Да-да, мы же договорились!

– Не вижу твоей задницы в двух милях впереди себя.

– Мы погорячились... Эй, убери стволы! Эй! Сейчас здесь будет мой брат!

– Он первым сдерет с тебя шкуру. Все знают, вы повздорили.

– Мы – родня!

– Тем приятней отстрелить тебе бабку. Меньше ртов на одну миску.

– Я стреляю! – Ствол дрожал так сильно, что заставлял голову Рэнджа подпрыгивать.

– Сде-лай ми-лость, – по слогам процедил Макабр.

Пороховой дым ударил по ноздрям.

Осколки зубов Ньютона впились в десны. В шее что-то

хрустнуло, тело отбросило назад, как от первоклассного апперкота. Рэндж почувствовал что-то горячее у себя на груди и тут же – в штанах, заверещал, беззвучно разевая рот, ворочаясь и пытаясь вытряхнуть раскаленную пакость. Пуля! Нырнула в ворот рубашки и проскочила донизу, пропала в сапоге.

– Нет, – взвел курок Мак-Брайт. – Нет-нет-нет!

Дуло заглянуло Ньютону в душу.

Спину, плечо, руку, колено обожгло беспомощными выстрелами. Рэндж пытался подняться и падал. Пули били наотмашь. Мак-Брайт отмотал барабан и полез трясуцимися пальцами в патронташ. Блестящие патроны посыпались на песок.

– Слово, Мак-Брайт, – не удержался от нотации Макабр. – Я покупал твое слово.

Эхо сбегало к горам и затерялось меж вершин. Мак-Брайт остановил дыхание и уткнулся носом в землю. Макабр подскочил к Ньютону, вцепился в его парализованные руки и потащил в круг вещей.

– Без тебя я – кльыыыыыыыыычь! – Макабр не удержался от красочной демонстрации перерезанного горла, после чего в паузах между проклятьями изложил свой план.

Макабр наврал.

Гости с севера уложились в четыре минуты.

Шумным зрителем пришел ветер с равнины. Он развесил

между актерами пыльные мишени и уселся в первом ряду. Враги примерялись друг к другу. Шекспир занес над песком окровавленное перо. Макабр с парой шестизарядных друзей выглядывал из-за спины Ньютона, трое резких парней гарцевали ярдах в сорока поодаль. Еще один стрелок остался за кулисами, на пределе видимости. Он стоял на одном колене и пытался выцелить карлика сквозь песчаную бурю.

– Бойл! – закричал, перебивая ветер, один из северян. – Сзади! Обходи сзади!

Макабр задергался. Стрелок вскочил на лошадь и погнал ее по большой дуге в тыл карлику и Рэнджу. Того охватила странная сонливость. Ветер играл на нем, как на флейте. Ньютоному казалось, что воздух проходит сквозь него, выдувая из стеклянных пулевых отверстий тоскливый мотив. Возжак подозвал двух других подельников, что-то быстро растолковал, они разъехали по сторонам, зажимая ставку Макабра в клещи.

Лошади нервничали, вскрикивали звонкими девичьими голосами. Всадники подбадривали себя выстрелами в воздух.

– Кретины, – поморщился Макабр и обнял Ньютона, оскалившись кольтами из-за живого щита. Возжак оставил лошадь, отодвинул рукой полу плаща и шагнул на авансцену, двигаясь сквозь ветер плечом вперед.

– Маленький человек! – уважительно окликнул он Макабра. – Не спеши спускать курок! Есть разговор.

– Я тебя не знаю! – завопил в ответ Макабр, не выпуская

из поля зрения двух других нападающих, но те заняли позиции глубоко в тылу и не двигались с места. Тревожил парень за спиной, но озираться было нельзя, поэтому Макабр нырнул между ног у Рэнджа и улегся среди седельных мешков.

– Сядь! – зашипел он на Ньютона. – Прикрой меня!

Рэндж подчинился с противной поспешностью. Ситуация, и прежде дерьмовая, с каждой секундой воняла все сильнее. На глаза Ньютона навернулись слезы. Они царапали глазные яблоки, раздирали веки, а Рэндж даже не мог смахнуть эти жуткие острые слезы. Поделом! Весь последний год он был бесчувственной колодой, годной лишь мешать тесто босыми ногами. Ньютон не верил в душу, но ощущал внутри себя нечто ржавое, поросшее липким жестким волосом. Обломок Бога. Часть его замысла в теле человека. Эта пакость дышала вместе с ним, брала губами преломленный хлеб, сидела в бочке, облепленная чужеродной слизью, была дочь, топила ее, тащила на берег морского гада. Кем бы Рэндж ни был, какую мерзость ни совершал, в какой грех ни окунался, Бог не покидал его. И сейчас он плакал за него. Позволял быть собой.

«Давай уж как-нибудь сам», – промолчал Ньютон, поднялся на ноги и сделал несколько шагов назад. Макабр не заметил, как остался один. Рэндж отступал и дышал все глубже, все свободнее. Наконец-то ничей. Свой!

Его шею обожгло чужое сбитое дыхание. Трупная вонь, точно существо сзади питалось мертвечиной или само гни-

ло нутром, парализовала Рэнджа. Крепкие пальцы схватили его за кадык, нож скользнул к горлу.

– Босс! – разверзлась Иерихонская труба у уха Ньютона. – Один у меня!

Вожак остановился перед фортом Макабра в нескольких ярдах.

– Маленький человек, – поднял бандит пустые руки, – ты один. Твоего друга мы взяли. Давай не будем кормить песок трупами. Их тут и так навалом. Поговорим мирно?

– О чем?! – дернулся Макабр и тут же пожалел о содеянном. Идиот! Он вскрылся!

– О том, где ты прячешься! – оскалился вожак и выхватил пушку.

Ветер разразился канонадой. Макабр и бандит вскрикнули одновременно. Карлик скулил и хватался за колено. Вожак хрипел и плевался, пытался остановить кровь, хлещущую из продырявленного бока. Охаживая лошадей, летели на выстрелы остальные бойцы.

Человек по имени Бойл отшивырнул Ньютона и прыгнул на Макабра сзади, от души приложил сапогом в затылок. Макабр рухнул ничком. Капитулировал.

– Занятная у тебя игрушка, – оценил вожак налетчиков и метнул в Ньютона нож. Клинок споткнулся о его грудь и отлетел, жалобно звеня. Рэндж стоял, связанный по рукам и ногам, его поддерживал Бойл. Макабр сидел напротив,

мрачно разглядывая черную пулевую метку на колене.

– Уродец, – плюнул бандит в сторону Макабра. – Я к тебе обращаюсь. Или сам хочешь поймать нож?

Вожаса второй стая отличали те же симметричные шрамы, что и Мак-Брайта, один и тот же мастер клеймил их обоих.

– Ты положил Грю и его щенков, ценю. Но я нетерпелив и люблю стрелять. Забудешь достать язык из задницы и отвечать мне – нарежу на мелкие полосы и отправлю на корм койотам.

– Спешешь куда-то? – лопнули растрескавшиеся губы Макабра. – У тебя руки трясутся.

– Наблюдательный, – поскреб щетину второй Мак-Брайт. – Я передумал. Койоты недостойны. Волки – другое дело. Таких, как ты, надо скармливать волкам. Живьем.

– От тебя воняет. Любой зверь подойдет от брезгливости рядом с тобой.

– Строптивый, – с притворным уважением отступил Мак-Брайт. – Тем приятней будет сломать. Эй, Бойл, покажи нашему приятелю волка.

Бандит, захвативший Рэнджа и нанесший решающий удар по Макабру, выступил вперед. Двое других схватили карлика за плечи и прижали к земле, чтобы не дергался. Бойл двигался рывками, точно искал носом нужную волну в воздухе. Болезненно худой, с серой ноздреватой после оспы кожей, он напоминал труп волка, а вовсе не живого хищни-

ка. Бойл опустился перед Макабром на четвереньки и широко оскалился. Ньютон заметил, что у него редкие заостренные зубы. Даже на расстоянии пахло гниющим мясом. Стрелки, державшие Макабра, отвернулись, один едва дернул горлом, с трудом сдерживая тошноту.

– Рука или палец? – взвешивал Мак-Брайт, качая револьверы Макабра. – Палец или рука?

Бойл решил без подсказки. Он набросился на Макабра и зубами вцепился в правую кисть. Карлик разразился истошной арией. Кровь била в лицо Бойлу, и тот лакал ее, не переставая терзать живую плоть. Кости ломались с омерзительным хрустом. Бойл явно наслаждался этим звуком. Рэндж отступил. Вмешаться он не мог да и не хотел. Каждому – своя доля.

Christian song

Барбара вглядывалась в изуродованные окна дома на холме и шептала что-то, словно отвечала на невысказанные вопросы. С каждым мгновением ее голос набирал высоту и звучал более резко. Кристина силилась разорвать путы, заранее смирившись с поражением. Так моряк, выброшенный за борт, принимает в какой-то момент свою судьбу и ждет левиафана, спасительное судно или последнюю волну.

Ночь узурпировала сутки. Она пиновала над миром, скаля острые звезды. Рассвет повесился за горизонтом.

Кристина не понимала, сколько прошло времени с той минуты, как Шейла и миссис Доплер похитили ее у студии мамы.

– Ты заманиваешь нас! – обвинительно ткнула в сторону пустого окна Барбара. – Нет, я знаю, что ты проиграла и должна сделать это, но мы не обязаны подчиняться вашим раскладам.

– Я понимаю, что ты – хочешь! – обещать мне за это. Другой вопрос, что я реально получу?

Барбара склонила голову набок, выслушивая ответ. Тот, похоже, ее не удовлетворил.

– Что поделать, если у тебя не вышло?! Ответишь сама, – развела руками миссис Доплер.

– Некуда бежать?! Позволь отправить тебя в задницу! –

глаза Барбары вспыхнули неподдельным гневом. – Я внезапно вспомнила, где у меня есть незакрытые счета! – и, не обращая внимания на потусторонний зов дома, схватила Кристину за проволочную петлю и потащила вниз с холма.

Кристина пыталась кричать, молила страшную женщину остановиться, но на ее крики из переулков выходили только кошки, выгибали спины и шипели им вслед.

Город пытался угодить Барбаре, улицы юлили перед ней, проматывали целые кварталы, тасовали дома и укорачивали расстояния. Внимание Кристины сжалось до пульсирующей точки. Нарывающие запястья. Боль была такой яркой, что Кристине казалось, будто ее ладони превратились в крылья бабочки, и та рвется, трепещет, зовет Кристину в небо, обещает свободу, если та отбросит тело и позволит себе улететь.

– Дурочка, – встряхнула ее Барбара. – Не слушай ее. Это смерть.

Все время, что они убегали прочь от дома, Барбара напевала что-то себе под нос. Кристину убаюкивал этот мотив. Погруженная в ходильную песнь, она не заметила, как очутилась на окраине города. Прошло никак не меньше нескольких часов, но Кристина не чувствовала усталости. Ноги работали двумя независимыми механизмами. Голова плыла над туловищем послушным воздушным шаром.

Дорогу преградил литой забор. Густой неопрятный сад шумел за ним, и его ночной голос не предвещал ничего хоро-

шего. Над ветвями, как мавзолеей посреди погоста, возвышалось массивное здание. Его окна, заклеенные крест-накрест, ослепли. Барбара прошла вдоль забора и подергала створки ворот. Заперто. Сад заметил незваных гостей и притих. Деревья злорадно растопырили ветви, готовые наброситься на любого, кто посягнет на их тень. Тишина расплзлась в ночи, как лужа крови. Барбара мстительно брякнула воротами еще раз, но не сумела разбудить эхо. Тишина стала еще сильнее, загустела. Любой звук тонул в ней, как в вате.

– Не обращай внимания, – голос Барбары звучал глухо и протяжно, как будто Кристина слушала ее под водой. – Нас ведь не испугать подобной ерундой?

Имей Кристина свободные руки, она ответила бы сумасшедшей, но сейчас это не имело значения. Кристина влюбилась! Она помнила эту сладкую резь в груди, невозможность дышать без ежесекундного осознания: да, люблю, приди – разделю!

– Ты тоже чувствуешь? – Барбара дышала с жаркой хрипотцой, ее хмельные глаза говорили о подлинном, непридуманном наслаждении. – Что же здесь спрятано?!

Кристина не хотела уходить от ворот, но Барбара потащила ее вдоль забора, все дальше и дальше от центральной аллеи. Она что-то искала, проверяла каждый куст, проросший сквозь решетку, и наконец не смогла сдержать торжествующего вопля. Густая зелень скрывала погнутые прутья, дыру, удобную, чтобы сквозь нее смогли протиснуться две леди.

– Держись, – предупредила миссис Доплер и толкнула Кристину на ту сторону.

Ужас разорвал ее на части.

Когда палач отсекает жертве руку, мгновение оба молча смотрят на хлещущую кровь, айсберг кости, торчащей из развороченной мякоти. Шок душит боль. Затем раздается крик. Он твердит скорее об удивлении, невозможности принять происходящее, чем о реальном страдании. И только потом водопад боли стирает мир своим белым покрывалом.

С культей Кристины мелко капала кровь. Руки были оторваны по локоть. Она замерла в немом ошеломлении. Рот выталкивал наружу легионы воплей, разжимал челюсти так, что лопались уголки губ, но голос не шел.

Кристина рухнула наземь и поползла прочь от забора. Кроны нависли над ней, тая среди ветвей тысячи ночных пастьей. Пожухшая крапива и сорная трава лезли в рукава и под юбку кривыми колкими пальцами. Кристина давилась сухими рвотными судорогами. Страх рвал и калечил. Где-то поодаль задышалась миссис Доплер. Взрослых Фобос не щадил особо.

Ночной шум, затаившийся на время, обрушился на пришельцев с новой силой. Он скрипел и пророчил, надрывался, шкворчал и был отголоском звуков Страшного суда, который неминуемо застигнет грешников в постели, неготовы-

ми, праздными и пустыми.

От диких усилий поддалась проволока на запястьях. Наваждение отступило. Кристина почувствовала, что руки по-прежнему заломлены за спину, ощутила их стянутость, каторжность, несвободность. Но проволока выкинула белый флаг. Кристина нащупала слабинку, перекрутила проволоку, еще раз – и выдрала руки. Боль наконец-то занялась положенным ей делом – ворвалась в тело и оглушила рассудок.

Судороги были чем-то земным, знакомым. С трудом, кашля и всхлипывая, Кристина умудрилась сесть. За спиной хрипела Барбара. Кристина обернулась. Барбара каталась по газону, обдирая с лица и шеи какую-то воображаемую пакость. Она была в ярости.

– Перестань! – рычала она. – Это же я! Ты не можешь! Я найду!

Кристина осторожно поднесла руки к лицу и разрыдалась от жалости к себе. Кисти распухли, вены вздулись и напоминали раскормленных пиявок. Кожа повисла надорванными перчатками. До локтя тянулись кровавые узоры. Но она была жива! Жива и свободна. И не собиралась больше повторять глупых ошибок.

Ноги на удивление стойко приняли ее вес. Кристина почти не шаталась. Руки полыхали огнем, кровь пробивалась в них с боем. Волосы облепили лицо и шею, тело покрыла мерзкая испарина, но Кристина собрала в комок всю боль

и мерзость, что произошли с ней за последние сутки, и выплюнула вместе с ними лишнее и малозначимое. Ее компас указывал на истинный север. Направление выжить.

Шаг дался ей с трудом. Второй потянулся за первым, как бусина сползает по нитке. Ноги вспомнили, как ходить, и заспешили друг за другом, вне себя от ужаса, что их могут разлучить и бросить здесь, в сырой темноте, гнить в одиночку.

– Стой! – задыхаясь, прокричала Барбара. – Дура! Стой! Что ты творишь?!

Кристина берегла дыхание. Она пронеслась мимо беседки, густо заросшей плющом, и помчалась вдоль стены здания. В темноту. Вслед ей неслось отчаянное:

– Он заманивает!.. Не глупи!..

Кристина доверилась тропинке, бегущей вдоль центрального здания куда-то в глубину сада. Ноги, точно опомнившись, срывались едва ли не на галоп. С каждым шагом в Кристине прибывало уверенности, что она вырвалась.

Кристина не заметила ступенек и кубарем покатилась под наклон. Когда-то здесь был бассейн. Сейчас его завалили падающая листва, мусор и поломанная мебель. В последний раз им явно пользовались как выгребной ямой. Кристина порадовалась, что не рухнула с глубокой стороны. Сил выбраться из этой ловушки у нее бы не нашлось.

С обратной стороны здания забор был выше, прутья переплетались чаще, а кромку венчали частые ржавые пики.

Кристина попробовала взобраться по решетке, но руки отказались держать тело.

В тени основного здания скрывалась постройка поменьше. Если взобраться на ее крышу, можно перепрыгнуть забор. Смерив взглядом десять футов решетки, Кристина обнаружила, что не находит эту мысль глупой или абсурдной. Опасность сломать руку или ногу перестала что-либо значить перед лицом повторного плена.

Кристина вспомнила, что видела облезлую стремянку в помойном бассейне. Напрягаясь из последних сил, сумела выволочь ее наружу. Раны на запястьях размазались алым. Боль натянула струны через порезы и взяла первый аккорд. Высоты стремянки не хватало, чтобы перелезть забор, но дотянуться до козырька над входной дверью, с которого потом залезть на крышу, оказалось намного проще.

Черепица хрустела под ее ногами, как сварливая старуха. Кристина слышала, как стонут потолочные балки. Залезть на крышу не составило особого труда. Теперь нужно собрать волю в кулак, разбежаться и... Дурацкое сравнение. Кристина опять не смогла сдержать слез. Кулаки не сжимались. Руки так сильно болели, что впору было выть в голос.

– Не получится даже взять себя в руки, – пошутила Кристина и закашлялась от горечи слов, уперлась пяткой в выступ печной трубы и бросилась вперед. Черепица брызнула во все стороны, Кристина не удержала равновесия и впоролась коленями в крышу, покатилась, спина раздробила под

собой настил, и крыша расселась под весом девочки, талым весенним льдом, опрокидывая в темный чулан неизвестности.

Кристина очнулась в постели.

«Какое счастье!..» – пришла мысль и тут же всплыла кверху брюхом. Кристина замычала от боли, та ударила в спину, спеленала по рукам и ногам, боль втыкала в Кристину ножи и иглы, рвала руки из суставов, боль нападала и отступала, боль рвала Кристину на части. Злая старуха, прячущаяся во тьме.

Небо над головой немного просветлело и заглядывало в спальню Кристины через дыру в потолке. С деревянной щепы свисали лоскуты Кристининового платья. Она хотела перевернуться на другой бок и спрятаться во сне, но старуха приметилла этот маневр, оскалилась и вонзила в Кристину острые зазубренные когти.

Крик сломался о стены и корчился в пыли рядом. Кристине посчастливилось упасть на что-то мягкое. Наверное, поэтому она еще не умерла. Ссадины дергали запястья. Кристина не могла вдохнуть полной грудью. Левое бедро беспросветно ныло. Перед глазами плавали цветные пятна, вызывая из темноты химер и призраков.

Кристина приподнялась, ноги не держали. Мягкое, на что она приземлилась, комкалось под ней и мешало ползти. Нога коснулась чего-то холодного. Кристина подтянула колени к груди, спрятала лицо в ладонях и попыталась успокоиться:

«Паника убьет меня прежде, чем чокнутая баба!»

Темнота вокруг проступала странными очертаниями.

Кристина вспомнила, как мама учила ее терпеть. «Дыши сквозь боль, – говорила она, – представляй, как она дымом вытекает сквозь больное место». Кристина дышала и слушала, как кричит ее мясо, как скрипят и жалуются кости. Наконец ей удалось унять сердцебиение и, разжав закаменевшие от усилия челюсти, загнать боль в подвал. Окружающий мрак стал чуть менее жутким. Из теней сложились очертания крупных предметов. Кристина поднялась и вытянула руки. Им она доверяла больше, чем глазам.

Что-то металлическое, округлое, похожее на печь с длинной шейей. Бак для нагревания воды. Циферблаты. Ребристые вентили. Кристина едва не напоролась на один из них, торчащий из стены на длинном штыре. Котельная. Руки отправились изучать стены. Крохотные окошки забраны решеткой. Здесь нет ничего интересного. Полки. Порошкие паутиной банки. Какая-то мелочь посыпалась на пол. Кристина зашипела, вляпавшись ладонью в липкую массу. Какая мерзость. Машинное масло? Дверь. Кристина рассмеялась от облегчения. Крохотная прихожая. Кристина обо что-то споткнулась. Черт. Обувь! Загремела засовом. Теперь открыто. Дернула на себя входную дверь. Толкнула наружу. Заперто. Слез не осталось.

– Они ничего не найдут! Даже мое тело, – звук голоса прогнал накатившую истерику. Бороться! Искать!

– Не для того умерла моя мама, чтобы я так просто сда-лась! – Кристина присела на корточки и ощупала каждый дюйм прихожей. Две пары обуви. Сапоги. Широленные га-лоши. На стене обнаружился ветхий дождевик и дубленая куртка из морщинистой кожи.

Так же, на ощупь, Кристина вернулась в комнату.

На полу валялись предметы, случайно сброшенные с по-лок. Катушка ниток. Игла проткнула палец, и Кристина ед-ва не рассмеялась, настолько смешной и незначительной бы-ла новая боль. Расческа. Свечной огарок. Огонь! Кристина подскочила и принялась шарить на полках. Где же? Должны быть спички. Зажигалка? Но полки стояли пусты.

Кроме бака неисследованной в котельной оставалась толь-ко посадочная площадка Кристины. Она подступилась к ней с непонятным трепетом внутри. Что-то не давало ей так же бесстрашно ощупать подушку, какая-то неловкость, фан-томные ощущения, точно тело знало что-то, о чем еще не догадывалось сознание.

Кристина нащупала край подушки и потянула на себя. Она сдвинулась, заскрипев по полу невидимыми ножками. Кристина потрогала край. «Матрас, – решила она и тут же одернула себя. – Чего ты боишься? Тараканов? Змей?»

После всего, что произошло с ней за последние сутки, бо-яться старого матраса было смешно. Кристина залезла на него и принялась ощупывать в поисках чего-нибудь полез-ного. Теперь она поняла, о чем помнило тело. Матрас лежал

неровно, точно кто-то напихал под него камней или какой-то мусор. Между стеной и матрасом торчал кусок ткани. Кристина потянула за него. В матерчатую трубу были вложены какие-то палки. Они зацепились за что-то под матрасом и не желали вылезать наружу. Кристина рассвирепела.

– Твою мать! – за такие слова мама неделю не выпускала бы ее из дома. Кристина дернула трубу что было сил и вырвала ее на себя.

Ломкие небольшие деревяшки посыпались на матрас. Кристина подобрала одну из них и поднесла к самым глазам.

– Да что за... – Кристина не договорила. Она еще несколько секунд держала оторванный, высохший до кости палец, пока ужас не затопил ее до краев.

Это не ножки скрежетали под матрасом. Две куртки и две пары обуви в прихожей. Вот почему котельная оказалась закрыта на засов изнутри. Хозяин никуда не ушел.

«Его нарочно оставили здесь! – пришла безумная мысль. – Как стража в гробнице у фараонов!»

Кристина скорчилась в дальнем углу, у самого бака, но даже отсюда до матраса была едва ли больше пары шагов. Ее колотила нервная дрожь. Отчего-то даже в детской кроватке, когда картонная кукла звала ее голосом матери, Кристине не было так жутко.

«Огонь, – занудно напомнила та часть ее существа, неразум, нечто от пещерного человека, что никогда не сдается,

выживает, бьется до конца: сейчас он отвечал за их спасение. – Спички. Зажигалка».

– Я к нему не прикоснусь! – забилась в истерике Кристина, отчетливо понимая, пара минут – и ей придется поднять матрас.

Тело высохло до игрушечной легкости. Кристина боялась вони, жуткого трупного запаха, воспетого фильмами ужасов и молвой. Мертвец пах старыми книгами. Аромат истлевшей бумаги. Одежда на нем превратилась в лохмотья и рассыпалась от любой попытки залезть в карманы. Пришлось отодвинуть матрас в угол и туда же перетащить тело. Голова не удержалась на шейных позвонках, отломилась и укатилась куда-то под бак. Кристина вздохнула с облегчением. Не придется смотреть ему в глаза.

Среди мелкого мусора, скопившегося под матрасом, Кристина нащупала сплюсненную коробку со спичками. Усталость брала свое. Несмотря на весь ужас положения, Кристина жутко хотела спать.

Спичек оказалось семь. Ломкие, капризные, с пустыми на пламя головками. Вспыхнуть согласилась шестая. Тени волнующейся толпой разбежались по стенам маленькой котельной. Кристина поднесла огонь к фитилю и бережно накрыла его ладонью. Наконец свеча разгорелась.

Котельная оказалась именно такой, как рассказали Кристине руки. Бак мерцал черным полированным боком. Стекла в забранных решетками окнах тускло бликовали много-

летней грязью.

– Ключ! – осенило Кристину. – Дура, какая же ты дура!

Она прилепила свечу на самый большой циферблат и кинулась шарить в кучке мусора из-под матраса. Она брезгливо обходила мелкие кости умершего. Ключа не было.

– Все-таки карманы, – смирилась Кристина.

Свечи едва хватило, чтобы найти второй огарок, еще меньше прежнего. Теперь Кристина не теряла времени даром. Дюйм за дюймом она обшарила всю прихожую и заглянула в каждый угол самой котельной. Пришлось даже выкатить из-под бака череп. Кристина зря тревожилась, веки умершего были так плотно сомкнуты, что казались двумя грецкими орехами в кожуре. Кристину неприятно поразило, что у мертвого подбородка торчал нарост, словно дерево, выросшее после смерти в голове человека, пустило наружу корни.

– Или кто-то прилепил ему щупальца, как у спрута.

Ключа нигде не было.

Отчаяние, с вечера расставившее сети, стянуло их и обмотало Кристину покрепче. Она еще трепыхалась, но уже была готова упасть и сдаться, задрать лапки.

– Хрен тебе! – прибавила еще неделю к своему домашнему заточению Кристина. – Я не умру здесь. Клянусь, мама. Здесь я не умру.

В дверцу бака теоретически можно было пролезть. Кри-

стина засунула внутрь голову и присвистнула. Места внутри хватало с избытком, но трубы, уходившие к центральному зданию, были не толще бедра девочки. В стенке бака была еще дверца печи, но там Кристина едва ли поместилась бы.

– Отпадает, – выдохнула Кристина и еще раз примерилась к дыре на крышу. Восемь-девять футов. Даже если сломать полки и попытаться сделать из них лестницу, поставить их вертикально, едва ли получится зацепиться за край, да и тот вряд ли вновь выдержит ее вес. Тем более она не сумеет подтянуться. Если бы там была перекладина, а ее руки свежи и целы... Нет, признала Кристина, она не готова. Не вариант.

– Пожалуйста! – она взмолилась так искренне, что впервые поверила в собственную смертность. – Я знаю, ты не дашь чудес. Мне нужна только подсказка. Намек. Ведь так не бывает! Девочки так не умирают!

Мертвец красноречиво молчал в своем углу.

Свеча дотлевала. Ее слезы застывали на циферблате и скапливались лужицей на полу. Сквозь дыру в потолке пробились первые утренние лучи. Ночь сдала позиции и отозвала свои знамена. Кристина упала на матрас и не смогла подняться. Тело выкрутило ей руки и оглушило сном.

Судьба вернулась за ней под вечер.

Никогда еще пробуждение не было таким мучительным и жутким. С первого мгновения Кристина вспомнила, где она и какая участь ее ждет. Горло пересохло. Язык распух и с

трудом помещался во рту. Губы растрескались и не желали смыкаться.

Руки стянуло жесткой коркой, она лопалась и начинала кровоточить от любого неловкого движения. Тело напоминало сложную игрушку из разных конструкторов «Лего», детали плохо состыковали друг с другом, и теперь они норовили рассыпаться. Свеча дотаяла. Свет дня грозился вот-вот сойти на нет.

Кристина пошарила взглядом по комнате, но не обнаружила ничего нового.

– Надо проверить еще раз, – с жестким, поразившим ее саму упрямством она заставила себя подняться.

– Что мы ищем? – этот вопрос убирал все лишнее и делал поиски максимально четкими, предельно осмысленными.

– Выход.

Теперь Кристина обшаривала стены, простукивала, царапала и била в отчаянии, когда ничего не находила. Котельная напоминала идеальный склеп.

– С крематорием внутри, – с ненавистью шипела Кристина и начинала на третий-пятый-десятый раз обшаривать свою ловушку.

В какой-то момент Кристина решила петь. Песни сменились рыданиями, те – проклятиями. Пока, наконец, не вернулась тишина. Она была вкрадчивой и ехидной, как будто знала что-то, до чего никак не могла достучаться ограничен-

ная и глупая девочка. Кристина вслушивалась в нее, и в душе все ярче зрело желание покончить со всем этим. Среди вещей, найденных у покойника, был столовый нож. Наложить на себя руки.

– Какой там, – скривилась Кристина. – Не выдержат. На забор не могу взлезть, а тут – с собой покончить.

Тишина настойчиво лезла в уши и копошилась у нее внутри. Чтобы не слушать ее, Кристина начала разговаривать сама с собой.

– Ходишь по кругу. Так не годится. Дверь и потолок отпадают. Забудь про них. Вообще не бери в расчет. Что остается? Бак – без вариантов. Тоже выкинь. Окна – хрень. Плюнь и разотри. Что еще бывает в фильмах? Потайной выход? Боже мой, очнись. Это котельная! Какие-нибудь коммуникации. Лифт. Доставка. Вентиляция. Вентиляция!

Комната перерыта вверх дном. Значит, прихожая. Кристина в очередной раз ощупала ее от пола до предела своего роста. Ничего. Она вернулась в комнату и бросилась на бак с кулаками.

– Пожалуйста! Пожалуйста!

«Ты ни разу не смотрела за баком!» – осенило ее. Или это ангел снизошел до подсказки?

У пола бак вплотную примыкал к стене.

«Лезь на бак».

– Чертова дура! – ликовала Кристина, пытаясь вскарабкаться по вентилям наверх. – Так бы и сгнила тут, если бы...

У самого потолка к стене была привинчена решетка из рифленой жести. Пришлось спуститься за ножом и потратить полчаса, откручивая болты.

Решетка скрывала небольшое квадратное окно.

Труба вентиляции исчезала в стене, почти отвесно уходя в пол. Ее ширины едва хватало, чтобы Кристина могла протиснуться туда, вытянувшись в струнку.

– Придется нырять руками вперед, – сказала Кристина и почувствовала, как остро натянулись жилы. – Там может быть что угодно. Вода... Нет, – тут же одернула себя. – Вряд ли. Но ты можешь застрять. И тогда верная смерть. Никто никогда не найдет тебя там. Здесь есть хоть какой-то шанс. Там – его не будет.

Кристина слышала, как неистово бьется сердце. Грудь ходила ходуном, рот жадно хватал воздух, точно надеялся надыхаться впрок.

– Еще ты можешь задохнуться, – она все добавляла и добавляла, не могла остановиться. – Метан. Углекислота. У тебя нет даже света. Ты совсем идиотка, чтобы пойти на такое?! Ты точно застрянешь. Или просто не заставишь себя...

И чтобы не слышать, сломать, исключить любые сомнения, вколотить страх так глубоко, чтобы тот сдох под тяжестью неизбежного, Кристина подскочила к вентиляционной шахте и швырнула себя вниз.

Из чернильной глубины тянуло многолетней сыростью.

Это длилось века.

Кристина потеряла ощущения верха и низа.

Ее глаза затянуло пленкой кромешной слепоты.

Иногда она достигала поворота, который не могла пройти с наскока. Тогда ей приходилось отключать все, кроме внутренней рептилии, и изгибаться всем телом, как бескостной ящерице, как капле масла, которое хочет просочиться сквозь трещину. Она чувствовала чужие прикосновения. Пауки и мокрицы путешествовали в ее одежде, волосах и складках кожи, покидая Кристину, когда приходило время. Крысы щерились на нее бесцветными в темноте зубами и отступали. Слишком непостижимая для них.

Самое большое существо в подземном мире. Королева тоннелей.

Ее имя потеряло вкус, выбелилось, как шерсть альбиносов.

Кристина чуяла запах прошлых жизней.

Лаз вел ее сквозь эпохи, ввинчивал в плоть земли, удочерял, она слышала голоса.

Иногда он забирал ее дыхание. Кристина ползла, чувствуя, что задыхается, тесная труба сдавливала ее со всех сторон, превращала в червя – существо, способное дышать кожей или вовсе не нуждающееся в кислороде.

Редко Кристина приходила в себя.

Паника разбивала ее о стены вентиляционного колодца, она визжала, пока не срывала голос, но и тогда продолжала

хрипеть, пыталась вырваться, разодрать себе вены, вскрыть горло, чтобы не чувствовать, как ее проталкивает по своему каменностенному пищеводу огромный неведомый монстр.

В один из таких моментов она почувяла, как стена слева от нее поддается. Кристина надавила плечом, подтянула руки, попыталась расшатать, опрокинуть. Она не помнила, зачем делает это, но инстинкт, неразумное, древнее, живое, кричал, что отказывается продолжать путь во тьме.

Над ухом заскрипело. Запах, густой, как сметана, залепил Кристинины ноздри. Чьи-то руки вцепились ей в плечи и потащили, обдирая, наружу.

Решетка стукнула позади нее сомкнувшейся челюстью.

– Невероятно, – Кристина очнулась от голоса Барбары. – Как же он ее пропустил? Убийца тоже был ребенком?

Человек по имени Свет

Проходили мимо магазинчика Мо, когда Шейла придер- жала Лайта за рукав и мотнула головой в сторону входа. На- блюдательность, за время общения с мертвецами и рыбо- ротыми выросшая на три головы, не оставила Лайту ни едино- го шанса: придется лезть в опечатанное копами здание.

– Ключ, – пробренчала кукла голосом заводной игрушки.

– Я не найду, – попробовал Лайт. – Там целый магазин всякого.

– Ключ, – сжала липкую клешню Шейла, и Лайт понял, что не готов вставать против.

Он проклинал свою мягкотелость. Мгновения, проведен- ные с Мириам, поблекли, романтическая позолота, когда-то так трогательно скрашивавшая серый быт, растрескалась и облетела. Расстрельная команда будней поставила Лайта к стенке. В душе моросил дождь, и каркали вороны. Дорожные знаки «Лузер» и «Тебя используют» мерещились на каждом перекрестке.

– Какой ключ? – сдался Лайт. – От чего он хотя бы?

Шейла не сводила с него своих бутылочных глаз. Конус ее головы напоминал театральную тумбу, которую плотно зале- пили афишами. Отдельные куски скотча отклеились и пару- сили на ветру.

– Маленькая дрянь! – не выдержал Лайт и вцепился в

хрустнувшие локти куклы. – Ты можешь объяснить, что это за ключ?!

– Слова. Ослабляют. Пружину, – выдавила Шейла. – Умру.

– Безумие, – сдулся Лайт. – Полный бред. – Шейла продолжала стоять посреди улицы. – Да, знаю, знаю! Ключ!

Тишина в разгромленном магазине стояла такая, что каждый шаг Лайта звучал, как выстрел. Здесь можно было найти что угодно, но только не то, что нужно. Лайт заблудился среди курганов опрокинутой мебели и липких озер краски. Судя по отпечаткам ног, буквально пару часов назад здесь былолюдно. «Может, ключ у них? – мысль выскользнула на улицу вдогонку следам, но Лайт не спешил за ними. – Мириам, радость моя, подскажи. Сейчас тот самый случай, когда я обменял бы сотню бесценных, но непонятных видений на одно – конкретное».

По опрокинутой гладильной доске, потешно задирая негнущиеся ноги, промаршировали двое пластмассовых солдат. Один имел белые усы и нес на вытянутых руках ружье, похожее на рыбу с прикладом. Другой, ободранный, установил между ними забор из печенья. Лайт, затаив дыхание, следил за их пантомимой. Первый дернул ружьем. Приказал что-то. Второй ткнул рукой в сторону Лайта. С его стороны на доску вскарабкались еще двое. У Лайта перехватило дыхание. Напротив совершенно одинаковых фигурок солдат

– он готов был поклясться, что узнал их – стояла безумная крючкозубая парочка. Усатый спрятался за печеньем. Ободранный нырнул с доски. Ненормальные разделились, девица двинулась за беглецом, ее муж занялся ружьем. Печенье разлетелось в крошку. Фигурки попадали на пол, на гладильную доску величаво, как правитель на трон, взошел игрушечный бульдозер. Давешний оборванец сидел в кабине и дергал за рычаги. Он подогнал машину к самому краю и выпрыгнул из нее. Его рука выронила ключ на веревочке, она зацепилась за гвоздь в стене, и ключ повис, дразня отраженными бликами. К величайшей жалости Лайта, он не был даже копией. Безделица. Игрушка.

– Бульдозер, – отвесил губу Лайт. Он не верил в подобные совпадения. «Save them!» – мелькнул росчерк по зеркалу, и Лайт узнал почерк любимой. Невозможно спутать эти архаичные завитки у *h* или *m*. Мириам писала, словно летела.

– Кого спасти? Солдатиков? Выживших? – Лайт раз за разом прокручивал в голове игрушечную битву.

– Ключоююююююююч! – металлическим стоном донеслось с улицы. В голосе Шейлы слышалось подлинное мучение. Кукла рассыпалась на части. Вмешательство Лайта стало временным облегчением, но не спасением. – Спешиииии!

Лайт прикрыл глаза ладонью и попытался сосредоточиться, вспомнить, как выглядел магазин до знакомства с грабителями. Здесь стреляли? Он отказывался разбираться, кровь разбрызгана по полу или похожая на нее краска. На его долю

хватило насилия.

Лайт заходил к Мо пару раз. Брал большую рулетку для разметки земельных участков, интересовался лаком, хотел замазать сколы на антикварной мебели, чтобы не сразу бросались в глаза. Старик никогда не покидал прилавка. Если требовалось что-то подсказать, орал на весь магазин и ругался последними словами, когда покупатели не могли разобраться сами, где стоит нужный товар. Также Мо не стеснялся попросить вывернуть карманы, если подозревал, что у него что-то умыкнули. Однажды Лайт видел, как он достал ружье и грозил им, но поверить, что Мо способен спустить курок? Ну уж нет. Дыры в стенах и потолке говорили обратное.

– Белые усы, – расшифровал Лайт и перелез через баррикаду обрушившихся полок. Нужно расставить героев драмы по местам и пройти их маршрутом. Стойку забрызгали коричневые пятна. Лайт принюхался. Бренди. Похоже на Мо. Лайт не помнил, носил тот усы или нет. Под прилавком виселась груда барахла, найти в этом помойном Эльдорадо ключ казалось нереальным.

– Печенье, – Лайт провел ладонью по рифленому дереву прилавка, и реальность замкнула сцену, которую вытанцовывали перед ним игрушки. Мо стоял за прилавком. Тот, второй – напротив. Старик навел на него ствол, парень прыгнул. Лайт вернулся в торговый зал, встал на четвереньки и пополз по остывающему следу, который рисовало его воображение.

Здесь парень упал, из его карманов посыпалась мелочь, обломки проволоки, куски ваты и обрывки линолеума – ничего не напоминает, Лайт?! – Он неуклюже повторил кувырок по полу, затем, не вставая, рванул вперед – к дальней стене магазина. Ключ мог отлететь куда-то сюда. Приоткрытая дверь подсобки походила на дыру в портъере. Намекала.

Темнота смердела проблемами.

– Открою. Увижу, что ключа нет. Закрою.

Уйду, – пообещал себе Лайт. Четкий план, твердое слово успокаивали и помогали рукам не трястись. Он поднялся с пола и взялся за дверную ручку. Сомнения раздирали живот.

– Не стоит этого делать, ей-богу, – прошептал Лайт, морщась не от предчувствий – он знал, в комнате за дверью случилось настоящее дерьмо, с улицы неслись жалобные звуки, Лайт старался не вслушиваться, он никак не мог открыть дверь, раскачивался и бормотал: – Ты уже спас ее. Пусть теперь сама. В самом деле, не надо! – Все это время рука продолжала поворачивать ручку, хотя дверь была открыта, стоило слегка потянуть ее на себя, но упрямая интуиция выла хором со всей стаей – шестым-седьмым-и-десятым чувством.

– Да не может там быть ничего ужасного! – рывкнул на свой внутренний зоопарк Лайт и шарахнул дверью о стену.

Свет пролился в комнату, пачкая все вокруг тенями. Отдельно задержался на паре голых девичьих ног, торчавших из-под опрокинутых пластиковых бочек. Лайт отпрянул и

едва не кончился сам – в спину ему уперлось что-то кривое и твердое.

– А! Ты чего! А?! – сдавленно завопил он. Шейла смотрела мимо. Ее рот непрерывно шуршал картоном, точно она жевала и не могла остановиться. Горло Лайта пережало трахею, тело дрожало, как желе. Кукла отодвинула Лайта в сторону и вцепилась в лодыжки мертвой. Выволокла в торговый зал, не обращая на Лайта никакого внимания, уселась труп на грудь и принялась тереться о мертвое лицо своей маской. Шея убитой была чудовищно разворочена. У Лайта отнялись ноги, и он рухнул, где стоял.

Кукла священнодействовала. Поднимала умершей веки, совала обломки своих пальцев в ее маленькие ушные раковины, наматывала пук волос себе на липкую ладонь, вырывала их и пыталась жевать. Труп не отзывался.

– Старая! – горевала Шейла. – Пусти! Пусти же! Не хочу! Не хочу так!

Лайт мотал головой. Любые клятвы рассыпались в прах перед лицом такого партнерства. «Прости, любимая!» – С похожей решимостью рвут брачный контракт и сбегают за границу, оставив без цента в пустой квартире с отключенным светом. Лайт включил заднюю. Ему было не впервой.

Незаметно, как клочок шерсти, несомый ветром, Лайт отполз в сторону выхода и постарался не слишком сильно хрустеть мусором. Плевать он хотел на полицейские ленты, впо-

ровшись в самый центр расставленной паутины. Лайт сбегал. Осень бросалась ему под ноги, норовила задержать ямами на асфальте, обломанными ветвями, скользкими лужами и восставшим канализационным люком. Лайт был ловок, как никогда, он упреждал любую ловушку, скользил, подпрыгивал и уворачивался.

Накатил азарт, такой неуместный, но горячий. Скрываться, бежать, прятаться оказалось так здорово.

Лайт должен пропасть. Иначе он сгорит заживо. Разум уже отказывался понимать происходящее. Бежать. Бежать!

Лайт обогнул магазинчик Мо. Где-то здесь был овраг. Отличное место, чтобы затеряться. Сбить со следа. Лайт замешкался, влево или вправо, прямо перед ним качались голые деревья, отбрасывали жуткие тени от света единственного фонаря. Листва облетела, овраг шелестел армией из сотни костлявых призраков.

Вот он, овраг, но как туда спуститься, чтобы не переломать ноги?

Ищи. Скорей! Вот. Нашел!

Под ноги удачно подвернулись ступени, густо заросшие желтой травой. Лайт кубарем скатился по старой лестнице, едва не подвернув ногу. Прямо за лестницей начиналось царство травы, серое ее воинство, разбитое первыми заморозками, поднималось Лайту до пояса, едва заметная в нем тропинка разбежалась, уходя по сторонам.

Лайт прищурился: можно было спуститься еще ниже,

окончательно затеряться в сумраке.

«Решат, что ушел поверху», – пыхтел Лайт, сползая по склону. Гладкие подошвы туфель отчаянно скользили, приходилось страховаться рукой. В какой-то момент спуск показался достаточно пологим, Лайт отлепился от мокрой глины и тут же полетел кубарем. Ему удалось подобраться, лишь раз земля больно двинула по спине, и тут же лапы древесных скелетов вцепились в тело, раздирая плащ и брюки.

С минуту Лайт лежал, оглушенный падением. Овраг дышал сыростью и запахом гниющих растений. Спина промокла насквозь. Одна туфля слетела и потерялась. Лайт встал и понял, что запутался плащом в ветвях. К черту плащ!

– Недалеко свалил, – напомнил себе Лайт. Босая нога быстро замерзала, обутая хлюпала жидкой грязью. В темноте оглушительно запиликал мобильник. Лайт схватился за карман и вспомнил, что оставил свой дома. Сигнал не унимался. Лайт силился разглядеть, откуда идет звук, и когда нашел, безумно пожалел об этом.

Из кустов торчали мужские ноги.

Второй раз за день Лайт обнаружил тело.

«Это не твоя проблема! – орал разум и хлестал по щекам. – Брось! Билет на поезд – вот твоя цель! Прекрати!»

Но он не мог.

Сила, сродни той, что привела Лайта в дом с заколоченными окнами, страсть, ради которой он скрипел ступенями

на второй этаж, сострадание, заставившее бинтовать рассыпавшуюся куклу, проснулась в нем и сейчас. Забыв про порезы и холод, Лайт выпутался из кустов и подполз к телу. Оно лежало, уткнувшись лицом в грязь. У Лайта не было фонарика, чтобы толком его рассмотреть, но с виду с человеком все было в порядке.

«Он мертв, – у Лайта не было и тени сомнений. – Не трогай. Беги!»

Лайт глубоко затянулся холодным воздухом и взял труп за ноги. Мертвец застрял неглубоко. Кусты отдали его с некоторой брезгливостью. «На свеженькое потянуло», – бредил Лайт. Враги стояли вокруг них. Враги качали ветвями. Враги проклинали его своим скрипом. Даже природа против агента по недвижимости Лайта Филлсона. Naturetraitor. «С тобой тоже поквитаюсь!» – пообещал Лайт и перевернул тело на спину.

Совсем мальчишка. Глаза безмятежны, горло вырвано. Из раны вывалился жук и скрылся в траве.

– Кто с тобой так?.. – охнул Лайт и сам подавился ответом. Рот парня поставили на замок. Три рыболовных крючка скрепляли губы, намекали: «Рыба – знай свое место!» Из уголка рта наружу торчал плетеный хвостик. Лайт приблизил лицо почти вплотную, чтобы рассмотреть получше. Вевочка.

– Ключ!

Крючки сидели туго. Губы не давали распечатать рот.

Лайт вымазал руки тяжелой сургучной кровью. Стоило раздвинуть челюсти, как конец веревки нырнул вглубь.

– Дьявол! – взбесился Лайт. Придется лезть в рот к трупу. Лайт бессильно сжимал кулаки. Ветер стучал над обрывом почтовым ящиком. Лайт присел над телом, раздувая ноздри в беспомощной ярости. «Благодарение Господу, что тело еще не пахнет!» – Кожа ощутила холодную влажность языка, костяшки пальцев коснулись верхних зубов.

Парень открыл глаза.

Лайт отпрыгнул на несколько футов. Не удержался на ногах, полз на заднице, закапываясь пятками в грязь, ни на секунду не прекращая орать. Парень бился на земле, пытался заткнуть руками развороченное горло. Кровь хлестала фонтаном. Несчастный силился что-то сказать, но выходил лишь харкающий клекот. Лайт опомнился и ринулся на помощь. Мальчишку еще можно спасти!

Лайт оторвал подол рубашки, прижал к ране, жажда жизни билась сквозь пальцы затухающими всплесками. Глаза парня помутнели и закатились. Рука, сжимавшая горло, сползла на грудь. Щеки Лайта обжигали слезы. Никого на свете он не жалел больше, чем этого мальчишку. Собственная жизнь казалась менее ценной, чем шанс, секундная прихоть Судьбы, не позволившая ему спасти парнишку. Лайт отшвырнул тряпку, горячую от крови.

Пальцы мальчишки, так яростно боровшиеся за жизнь,

сжимали тонкую веревку. Плетеный хвостик. Лайт разжал хватку, еще не окоченевшие, почти живые пальцы легко отдали добычу. Лайт не верил собственным глазам. Ладонь хранила ключ. Необычной формы железку, по виду непригодную для открывания замков.

– Все ради этого?! – завопил Лайт, потрясая ключом, готовый зашвырнуть его в глубь кустов, если не получит немедленного ответа.

На краю оврага стояла кукла.

Свет фонаря падал прямо на нее, выделяя неуклюжий силуэт на фоне пасмурной ночи.

Кукла кивнула, точно благодарила.

Тоска обезглавила волю Лайта. Такое с ним уже случилось. Да что там, ровно так он и жил. Похмелье, тяжелое, как свинец, придавило Лайта к земле.

Никакой свободы!

Бегство, азарт, пьянящее чувство вседозволенности – Лайт вел себя, как волк, уходящий от загонщиков, они гремели в колотушки, и он бежал точно под прицелы охотников.

– Мириам! – заорал Лайт Филлсон. – Хватит со мной так! – И где-то далеко, в доме на холме призрак мисс Дутль отшатнулся от разбитого окна, она схватилась за лицо, точно получила яростную пощечину.

– Я больше не буду, милый, – пролепетала Мириам Дутль и впервые не сумела найти себе оправданий.

Лайт перестал верить стечению обстоятельств. Происходящее вела четкая закономерность. Он – рыба на крючке. Максимум, на что он способен, вырваться из рук рыбака, который снял его с крючка, и нырнуть обратно в воду. Сейчас его ведут, скоро будут подсекать, а пока – делай вид, что веришь, будто свободен.

Верить ногами

– Мамаша притащила нас в корзине с бельем, – шепотом делился Мак-Брайт, и горячая слюна капала Ньютону за шиворот. – Трех скулящих щенков. Папаша избил бы ее до полусмерти, а нас бросил на корм свиньям, но в тот вечер удача улыбнулась мне и братьям, у отца гостила его мать – Дебора Мак-Брайт. Старуха вышла на крыльцо, услышав наши вопли, и не позволила тронуть свое галдящее потомство. Она же выкормила нас и поставила на ноги.

За дверями салуна в плену музыки и разврата колыхался табачный дым. Рэндж смотрел на окна второго этажа, но только одно горело тусклым гостеприимством. Свеча на подоконнике ждала своего принца.

– Грю вырос зазнайкой. Мне всегда хотелось выбить ему зубы. Смотреть, как он будет харкать кровью и молить о пощаде. Бабуля считала меня слишком грубым, я называю это честностью – никогда не боюсь сказать человеку, что хочу его убить. Вот и ее решил не разубеждать. В день, когда пришла пора делить наследство, только мне хватило сил задушить паучиху.

Ночь покрывала Мак-Брайта. Его люди рассыпались по улице перед домом, двое спрятались в тени дилижанса, Бойл исчез в переулке, наверное, совершал обходной маневр. Макабра замотали в бухту троса, наружу торчали только брови

и нос, и бросили в сундук. Рэндж стоял перед дверью салуна, неуместный щегол, одетый в свежий стуртук цвета темно-синих чернил. Мак-Брайт лихо сбил ему котелок на правое ухо. «Сэр, да, сэр». Руки и лицо вымыты до блеска, сапоги парадно сияют. Дерзкий, бросающийся в глаза карнавал.

– Гаррисон сразу заделался ее любимчиком. Слишком сладкий для бойца. Чересчур меткий для слюнтяя. Все время лез мне поперек масти. «Не смей убивать женщин! Спрячь пушку!» Думаешь, мы с Грю напросились на эти отметины поперек хари? Дудки! Гаррисон бросил нас в Либерти-Крик. Своими руками сдал людям шерифа. Те были нежны с нами! Прежде чем отправить на виселицу, они изрядно позабавились с братьями Мак-Брайт. Кузнец, что расчертил наши физиономии, давился своими потрохами почти сутки. Но это было позже, много позже. Гаррисон вынул нас из петли. Верная кровь. Помню, как под ногами разверзлась бездна, и веревка впилась мне в шею. Я услышал хруст позвонков. Знаешь, как они хрустят? Это топот осла, на котором ездит безноса. Она чует грешников. Она быстрая, эта сука с косой. Но пуля Гаррисона оказалась быстрее. Грю не успел даже закрыть рот. Палачей снесло с помоста. Гаррисон бил наверняка, но только ранил. Ни один из подонков не сдох в тот день. Гаррисон и его люди налетели, петли долой, задницы хлопнули по седлам, только нос и видели.

«Столько слов перед еще одним убийством, – мысли Рэнджа текли холодно и вязко, как начинающийся ледоход. –

Неужели он, как и все прочие, нуждается в исповеди?»

– Я решился не сразу. Бог свидетель, я дарил шансы. Тысячу раз я звал Гаррисона разделить семейную участь Мак-Брайтов. «Не хочешь со мной, прими руку Грю!» – твердил я, но сопляк возомнил, что стоит больше и иной монеты, чем его кровные братья. Сегодня... Сейчас мы покончим с этим. Ты покончишь.

Гаррисон Мак-Брайт жил в комнате на втором этаже. Каждую ночь он оставлял зажженную свечу у окна, точно она, как сигнал маяка, указывала кому-то верный путь домой. Рэнджу предстояло подняться на крыльцо, зайти в дом, который избрали своим пристанищем шериф и его люди, миновать обеденный зал, в котором они пили и развлекались с озорными певичками, подняться по двадцати четырем ступеням – Мак-Брайт повторял их число, как заклинание, двадцать четыре, запомни накрепко! – открыть вторую дверь слева – «Брат никогда ее не запирает, все ждет одну потаскуху, но та не вернется, Гаррисон не знает, но она отдала мне свое дыхание три месяца назад, и я его не верну, самому мало!»

«Что дальше?» – покорно спросили глаза Ньютона, когда братоубийца изложил свой план.

– Барнби пойдет за тобой. Он еще не наследил тут. Ни одна шавка не знает его рябой морды. Кроме того, он хватал, что видал Революверного Бога. Верно, Барнби?

Тот сплюнул и ничего не ответил. По его острой мордоч-

ке было заметно, что именно так он и думает. Барнби напоминал злую юркую крысу. Все время, пока Мак-Брайт говорил, грызун не отпуская глазами Рэнджа. «Только начни душить, – сулил взгляд Барнби, – и я обгрызу тебе лицо до костей!»

– Гаррисон не промажет ни разу, – продолжил Мак-Брайт, – поэтому ты должен дойти до него и позволить Барнби расстрелять его из-за тебя.

«Дерьмовый план», – Рэнджу было все равно. Немного волновал Макабр. Неужели сдохнет в сундуке?! Какая нелепая смерть.

– Бойл прикроет вас с крыши. Если Гаррисон спрыгнет с постели, постарайся оттеснить его к окну.

– Босс, эта кочерга вроде как вас не слышит, – Барнби дернул Ньютона за нос. Сквозь распахнутую жилетку были видны чудовищные стигматы, ровной строкой пересекавшие его грудь. Заметив взгляд Ньютона, Барнби запахнул и ощерился.

– Заткнись, Барнби! Он понимает куда больше твоего. Эй, смотри на меня! Ты навалишься на него и прижмешь к кровати. Или бросишься вперед и выдавишь к окну. Ты понял? Не дай ему вырваться в общий зал. Упустишь, и нам конец.

«Не такой уж плохой вариант».

Мак-Брайт смерил Ньютона острым взглядом, погладил крылья носа, выдернул из ноздри длинный волос и веско про-

шипел:

– Не дури меня. – На Рэнджа смотрел убийца и выглядел крайне неприятно. – Не стоит. У меня большие планы на тебя, но они не вечны. Клянусь, поможешь мне, и я вас отпущу.

Рэндж не выдержал и фыркнул ему прямо в лицо. Невозможно.

Мак-Брайт побагровел, рука дернулась к кобуре. Он одернул себя, но ему это дорого стоило. Дуэль взглядов Ньютон проиграл. Мак-Брайт клацнул зубами почти понарошку.

– Думаешь, бессмертный? Нечем на тебя надавить? – шрамы на лице Мак-Брайта призрачно светились в свете луны. – Тебе чем-то дорог этот обрубок в моем сундуке. Не станешь слушаться, укорочу его еще на пару дюймов.

«Давай, – шевельнулись губы Ньютона. – Режь сразу глотку. Он мне такой же враг, как и тебе. Что станешь потом делать? Чем еще стращать?!»

Но он чувствовал, что жуует неправду. Карлик знал, куда отправился цирк. Последняя надежда увидать Кэтрин.

Мак-Брайт схватил Рэнджа за горло и развернул лицом к окну со свечой.

– Сейчас! – выдавил Мак-Брайт. – Ты пойдешь и сделаешь, как договорились.

Ньютон хотел пожать плечами, но те даже не шелохнулись. Он дернул головой, освобождаясь, и пошел к дверям, глубоко загребая сапогами. Барнби нервно рысил следом.

Мир качался перед лицом Рэнджа, поскрипывал такелажем, двери едва заметно дышали створками, выпуская наружу отголоски споров, музыки и перебранок. Ньютону казалось, что он идет по накренившейся палубе, корабль попал в шторм, но команда еще не знает об этом, принимая качку за очередной каприз непогоды. Рэндж здесь неслучайно, ему нужно к капитану. Срочно!

Невысокий крепьши вывалился из-за дверей, оперся плечом о столб и принялся мочиться прямо с крыльца. Его черная шляпа оставляла желать лучшего: поля точно мыши объели, но стволы в кобурах лежали знатные. Следом за крепьшиом вышел другой – полная его противоположность: худой, подтянутый, в светлой новенькой шляпе, этот парень обладал настолько странным лицом, что Рэндж одновременно проникся к нему доверием и испугался, тем более что тот вежливо посторонился, пропуская его внутрь. Барнби, как пришитый хвост, держался за спиной Рэнджа и не отставал ни на шаг. Двери стукнули за спиной, отсекая возможность для побега. Рэндж не удержался, посмотрел через плечо. Чем-то они зацепили худого юношу. Он тоже обернулся и глядел им вслед.

Внутри салуна бодались голоса, стаканы и лбы, надсаживалась скрипка.

Несколько мгновений Рэндж стоял, раскрыв рот, и не мог поверить, что все это происходит на самом деле. Гам,

треск, веселье, расшнурованные декольте, обильные сокровищами, сталкивающиеся галеоны табачного дыма, барабанная дробь каблуков, рассерженный рев из-под стола, хлопающие кровавой колеей носы, блестящие барабаны, пристальные стволы, стоны, проклятья, поцелуи. Неужели все это было здесь в дни, когда он сидел по уши в спрутовьем дерьме, закатанный в бочку, упрятанный в пещерный город, еле передвигающий ноги по пустыне. Разве можно поверить, что эти люди не знали немоты, недельной жажды, парализованных рук, холодных прикосновений кукурузного теста к потрескавшимся ногам, штанов, пропахших мочой и кое-чем более дерьмовым.

Барнби воткнул палец ему под ребра.

– Чего застыл? – прошипел он, подталкивая Ньютона вперед. – На лестницу.

Рэнджис видел темное пятно улицы, худой парень все еще наблюдал за ними. Эти двое казались ему все подозрительней. Серьезный с виду мистер вел себя как деревенский дурачок на большой ярмарке, а проныра, с первого взгляда похожий на слугу, выходил кучером этой повозки. Медленно, чтобы не спугнуть дичь, парень просочился сквозь двери и тенью двинулся за Барнби. Рэнджис сделал вид, что его это не касается.

Никто его не окликнул, когда он ступил на лестницу. У всех были дела поважнее. За тремя столами шла напряженная рубка. Карты и рулеточное колесо справлялись не хуже

дыбы и колодок. Игроки самозабвенно закладывали души.

Двенадцать ступеней закончились пролетом и голыми коленями. Мальчишка сидел на полу, спустив ноги на лестницу. Он расставил перед собой блестящую армию бойцов – целую руку патронов с идеальной осанкой – и не собирался сдаваться без боя. Сбитые его колени говорили, что перед Рэнджем серьезный противник, отчаянный и бесстрашный, на правом запеклась карта свежих корост с ходами и катакомбами.

– Тебе кого, приятель? – обжег Рэнджа вопрос с тыла. Они одновременно посмотрели вниз. Ньютон и мальчишка. Барнби каким-то чудом опять оказался за спиной Рэнджа и сопел оттуда. От подручного эжутко несло конским потом.

У основания лестницы стоял худой парень с улицы. Теперь Рэндж сумел разглядеть его. У парня были серые, слишком широко посаженные глаза. Казалось, он может смотреть прямо, только повернувшись боком. Он так и стоял, выдвинув правую ногу вперед, по лицу его бродила кривая ухмылка, и дергалась длинная жилка на шее, пускала круги от подбородка до глаза, точно парень прицеливался. Рэндж понял, что слишком долго не отпускает парня взглядом.

– Ты точно не из местных, я тут всех знаю.

Молчание затянулось.

Рэндж чувствовал, что от него эждут какого-то фокуса, вот он дернет головой, собьет на пол щегольской коте-

лок и пустится в пляс под разбитной ирландский мотив или напустит на лицо надменного тумана, который сомкнется впереди него властным панцирем и сдвинет с дороги мальчишку, а нахала в белой шляпе сметет хвостом, может, хотя бы замкнет пальцем линию рта и прогонит надоеду протяжным «тсссссссссс». Ньютон застыл и слушал, как кривая улыбка все острее прорезает его лицо.

Барнби – брехливая сторожевая шавка – выкатился из-за спины и затыкал.

– Мы спешим, дружище, было бы отлично пропустить по стаканчику, но мистер Майнер – большая шишка, ему кровь из носу нужно поговорить с шерифом.

Рэндж и парень одинаково подняли брови. Не ожидали от Барнби такой прыти. Тот довольно захекал.

– Мистер Майнер, – вежливо взялся за шляпу незнакомец. – Торгуете серебром? Или углем? Какое дело у вас к боссу? Может, я вам помогу? Том Морган – помощник шерифа. Меня еще знают как Пушку.

«Сильвер Майнер и Томми Ган», – Ньютон увидел это, как название детской книги. Дело принимало крутой оборот. Они вляпались в чан с липкой карамелью.

– Нет-нет, приятель, нам нужен только шериф, сам понимаешь, дело тонкое, деликатное. Не терпит чужих ушей, – Барнби шагнул на ступень ниже Рэнджа и нетерпеливо дернул головой: «Пошел!» Он был не так уж прост, этот новенький в банде Мак-Брайта. Что-то в его повед-

ке сказала Томми больше, чем все слова. Помощник шерифа продолжил так же ясно улыбаться, но рука сползла на кобуру.

– Ошибка, приятель, – пожурил его Барнби. – Ствол нужно доставать сразу.

Выстрелы раскололи вечер. Скрипка взвизгнула и заткнулась. Томми Ган сползал по перилам, цепляясь за них холодящими пальцами. Крови почти не было. В зале не осталось свободных рук, стволы смотрели во все стороны. Певички металась в ужасе.

– Ты еще тут?! – заорал Барнби, белый от гнева, и санданул Рэнджа рукоятью в плечо. – Я грохну тебя, если он уйдет!

Патроны раскатились по лестнице. Мальчишка исчез. Ньютон испытал секундное облегчение. Хотя бы парнишке ничего не грозит. Но Рэндж поторопился.

– Том! – раздался зычный рев со второго этажа. – Чертова брюква, Том! Что там за дерьмо?

Рэндж прыжком одолел оставшиеся двенадцать ступеней. В грудь ему уперся револьвер.

– Ты, мать твою, кто еще такой? – в полутьме коридора качалось лицо Мак-Брайта. В первый момент Ньютону показалось, что это нелепая шутка, ублюдок заставил его подняться из холла, а сам забрался по приставной лестнице или зашел с черного входа. Вечер скрадывал детали, но несомненное фамильное сходство, нос, разрез глаз, чудовищная

насечка через все лицо! – твердили, что это Мак-Брайт.

– Чего уставился, призрака увидел? – Он держал перед собой мальчишку, прикрываясь им, как живым щитом. Рэндж уронил взгляд и едва не порезался о блестящую, любовно отполированную звезду шерифа.

– Не люблю повторять! – рявкнул Гаррисон Мак-Брайт. – Мы знакомы? Я кончил кого-то из твоих? Подстрелил тебя?

Впервые Ньютон порадовался, что не может ничего сказать. Господь не оценил бы его слов. Молчание затянуло петлю на горле истории. Та побагровела, поднялась на цыпочки и пыталась просунуть пальцы под удавку.

Лицо мальчишки напоминало лики Христа на иконах – пустая безмятежность. Полное принятие ситуации. Вера.

«Как мне тебя не хватает!» – с тоской подумал Рэндж. Он совсем забыл про свой хвост.

– Бей! – заорал Барнби и неожиданно сильно толкнул Ньютона в спину. Тот едва не полетел кувыркком. Ствол разрядился в упор. Брюхо взвыло, поймав две пули. Рэнджа скрутило, он завалился на колени и сполз набок. Барнби, не целясь, разрядился в коридор и отскочил за угол.

– – безнадежно звал Ньютон, но ему отвечали только дыры-близнецы, которые толчками капитулировали на груди мальчишки. Мак-Брайт стоял на колене, продолжая прикрываться его умирающим телом.

– Промахнулся?! – изумился Мак-Брайт, глядя на подни-

мающегося Рэнджа. Пуля обожгла лоб, другая пробороздила висок, оставив глубокую борозду в волосах. Барнби высушил нос и едва не схлопотал свинец промеж глаз.

– Руки! Поднял руки! – приказал Мак-Брайт, не отводя взгляда от Ньютона.

– У тебя одна пуля.

– На тебя хватит.

– Назад! – заверещал Барнби. – Ползи назад!

Но Мак-Брайт соображал быстрее. Он отбросил мальчишку и бросился на Рэнджа, ловко подсек ноги, одной рукой удерживал его на полу, другую с револьвером выставил в сторону Барнби.

– Что на тебе? – лихорадочно шептал Мак-Брайт, оцупывая Ньютона, но не забывал пасти коридор. – Броня? Стальной панцирь? А как с головой?

А потом неожиданно заорал так, что у Рэнджа заложил уши:

– Парни! Он один! Тут, на втором этаже! Это я – Гаррисон! Валите его!

Ньютон слышал, как мельтешат, суетятся мысли в голове у Барнби. Тот скулил, но не собирался сдаваться. Или Рэндж ошибся?

– Лады! – полетел на пол револьвер. – Тише-тише! Сбрось палец с курка. Сдаюсь.

– Без глупостей.

– Ужэ, приятель, ужэ, – Барнби показал пустые ладони, после чего высунул голову – хочешь, наказывай – и осторожно выполз в коридор на коленях. Посмотрел на Мак-Брайта, вытянул руки вперед и улегся мордой в пол.

– А ты смьшленный, – Мак-Брайт не собирался вылезать из-за Рэнджа. Пуля никому не дает права на ошибку.

– Луфффе профить на фару фасов фольфе...

– Не знаю, что ты там жуешь, но ты чертовски прав.

Парни ввалились в коридор с шумом и проклятиями. Только что вдоль коридора были туго натянуты взгляды, и вот теперь молодые шакалы, разгоряченные виски и запахом крови, сбегались на пир, праздновали победу вожака стаи.

– Подобрать дохляка, – распорядился Мак-Брайт. – Этих двоих – ко мне. Трое внизу наготове, остальные – на улицу. Чую, они пришли не одни.

По лестнице рассыпалась дробь поспешных шагов. Не успели двери хлопнуться за последним стрелком, как на людей шерифа Мак-Брайта обрушился град пуль. Кто-то успел нырнуть в спасительную тень, кого-то смерть заарканила прямо на пороге.

Барнби вязали надежно: руки завернули чуть не к затылку, накрепко стянули, перекинули веревку через горло. Каждый вдох заставлял выгибать спину. Как никогда похожий на крысу, Барнби закатил глаза, побагровел, но затаился, вел себя тихо от нестерпимого желания жить. Рэнджу веревки не хватило. Мак-Брайт усадил его на стул, второй по-

ставил напротив, сам на месте усидеть не мог, наказывал шагами комнату, но к окну не приближался.

– Имя, кто послал, почему охотишься на меня? – остановившись, начал Мак-Брайт. Свеча на подоконнике давала слабые проблески света. Рэндж не понимал, который из братьев Мак-Брайт ведет допрос. Тени делали их абсолютно неразличимыми.

Слова. Опять слова. Рэндж скривил губы. Сказал бы, да нечего. Гаррисон Мак-Брайт не мог ему навредить. Чутье подсказало тому, что слов здесь не добиться, и он переключился на Барнби.

– Ну, ты-то, дружок, точно умеешь говорить.

– Твой брат...

– Кайл или Гарольд? – перебил Мак-Брайт, подавшись вперед.

– Оба. Они сговорились убить тебя. Мне заплатили двадцать баксов, пообещали еще сорок, если доведу дело до могилы.

– Грю не мог! – искренняя, детская обида перехватила горло Мак-Брайта. – Ты врешь, сукин сын. Грю всегда принимал мою сторону.

– Поедем к старым каменоломням, – гнул свое Барнби. Рэндж поразился его верности. Даже теперь, скрученный, надкушенный, на краю могилы, он продолжал хранить обещания, данные хозяину. – Эти двое ждут нас на рассвете. Сумею хотя бы потрепать тебя, и вторая двадцатка у ме-

ня в кармане.

– Ты врешь! – взревел Мак-Брайт, из глаз брызнули непри-
творные слезы. – Ты врешь!

Он все еще держал кольт с единственной пулей. Мак-
Брайт подскочил к Барнби и двинул рукоятью ему в че-
люсть. Барнби рухнул, губы его лопнули, он захлебывался
кровью.

– Как они выглядят? Что говорили? – самый черный об-
ман терзал душу Мак-Брайта. Черви предательства пиро-
вали в ней. Гаррисон Мак-Брайт практически сдался.

– Кайл... – хрипя, выплюнул осколки зубов Барнби, – шка-
гал... швеча... ты вше еффе... вдефь швою шуку...

Последняя капля прорвала плотину. Мак-Брайт обрушился
на Барнби лавину бестолковых, но от того не менее сильных
ударов. Рывки затягивали петлю на шею. Глаза Барнби вы-
катились из орбит, вопли боли все сильнее напоминали за-
душенный хрип.

«Как остановить это?» – подумал Рэндж, не в силах вы-
носить очередную немую драму в своем исполнении. Он под-
нялся на ноги. Поискал глазами оружие. Но руки? Как? Чем?
Мак-Брайт так увлекся казнью, что не заметил этого. То-
гда Ньютон рухнул на него всем весом.

Кольт брякнулся об пол и разрядился. Пуля ушла в сте-
ну. Мак-Брайт вывернулся и ткнул Рэнджа кулаком в реб-
ра. Ньютон едва не рассмеялся. Мак-Брайт попытался бод-
нуть его в лицо. Дал хорошую подсказку. Лоб Рэнджа сокру-

шил скулу Мак-Брайта. Он ворочался под Рэнджем, а тот продолжал разносить его лицо ударами головы. Кровь мешалась с проклятьями. Мак-Брайт был дьявольски силен, но такое даже ему оказалось не по силам.

Улицу сковала тишина.

Они сидели на полу друг напротив друга: Мак-Брайт и Барнби. Лицо шерифа распухло синей маской из множества синяков и ссадин, крыса был по-прежнему связан, но хотя бы дышал. Рэндж отшвырнул револьвер, и тот улетел под кровать. Чтобы Мак-Брайт стал поговорчивей, Рэндж наступил ему на пах. Без нажима, но со значением. Дернешь – получишь яичницу всмятку.

– Чего тебе? – скрипнув, как ржавые дверные петли, спросил Мак-Брайт. Он явно собирался с силами.

– Его друг... у нас... – каркнул Барнби.

– А сам он язык проглотил?

– За сутки... что пасемся вместе... не слышал ни слова...

– Ладь, валяй, чего надо?

– Твою шкуру.

– Хе-хе-хе, – улыбка распоролла лицо шерифа новой кровоточащей дырой. – Удачи! У вас пара минут, пока мои ребята...

– Поднимутся? – Барнби шустро приходил в себя, он говорил уже почти без пауз, или на нем реально все зарастало, как на крысе. – Не смеши. Они слышали выстрел, выходит,

одного из нас ты положил. Что с того? Ни один из нас не спустился, значит, все в порядке. А лезть тебе под горячую руку – себе дороже! Тем более на улице явно засада.

– Буду орать.

– Ори, – расщедрился Барнби и повернул голову к Рэнджу. – Нож.

Ньютон даже бровью не повел. Его раздирали сомнения. Этот Мак-Брайт такая же падаль, как и его братья. Макабр, возможно, уже задохнулся в сундуке. Кайл, вероятно, сбежал, услышав выстрелы.

– Слышь, образина тупая? Найди нож! – сорвался Барнби, жилы на его шее вздулись, веревка перечеркивала их белым шрамом, точно указывала место, куда именно направить нож.

– Руки... – присмотрелся Мак-Брайт. Рэндж почувал, как догадка наполнила тело шерифа силой, мышцы сжались для рывка, и Ньютон забыл про жалость. Боль пронзила Мак-Брайта между ног, он дернулся и завизжал. Колено Рэнджа довершило урок – подбросило голову Мак-Брайта, со всего маху он влетел затылком в стену.

– Скорей! – извивался на полу Барнби, все туже затягивая веревку. – Он сейчас...

– Придет в себя, – Мак-Брайт попытался подбить ноги Ньютона своими, но двигался медленно, и тот без труда увернулся.

«Не дело!» – нахмурился Рэндж. Мак-Брайт ворочался,

силаясь подняться. Рэндж взглядом нашел его руку и каблуком раздавил кисть. Еще несколькими ударами пришлось погасить крики.

Двое скорчились на полу, щенки одного выводка. Такими они явились в этот мир, стонущими, окровавленными, несчастными. «Не ведающими своей судьбы», – крайне неприятная мысль. Ньютон должен решить, что дальше, но не хотел этого. У него не было ни рук, чтобы добить или спасти, ни языка, чтобы объяснить свой выбор. «Зачем меня сделали таким? Что хотели показать? Чему научить?» – голову захватили чужие мысли. Капеллан Моррет каждый день изнурял его этими вопросами. Тлели они в нем и сейчас.

«Я здесь, – с простого начал Рэндж, – чтобы кое-кто получил по заслугам». Сразу стало легче. Мак-Брайт лежал без движения, поэтому Ньютон позволил себе отойти на пару шагов. Ни ножа, никаких других острых предметов. На прикроватной тумбе стояла ваза с засохшим букетом. Рэндж сбил ее на пол и пинками погнал к Барнби самые крупные осколки. Сел верхом на Мак-Брайта и приготовился ждать, пока крысомордый перепилит веревку.

«Этот меня не пощадит, – Ньютон испытывал равнодушие к хрипам Барнби, его кровавой, чахоточной рвоте, жалобным всхлипам, с которыми он растирал запястья и шею, но не мог сдержать восхищения его целеустремленностью и

отвагой. – Но я должен дать ему шанс».

Первым делом крыса нырнула под кровать и прямо там же забряцала металлом, явно заряжая ствол. Когда Барнби выбрался наружу, весь в пыли, окосевший от боли, но полный намерений, Рэндж не сдвинулся с места. «Самка телом защищает свое потомство».

– Прочь! – харкнул Барнби. Кольт бился в его руках, как червь на крючке. Ньютон ухмыльнулся, не размыкая губ, и кивнул, приглашая. Крысенюхи шумно дышал, он безумно дергал головой, глазки его метались, точно с разных сторон ему мерещились чьи-то голоса.

– Не хочешь, чтобы я его убил, – догадался Барнби. Рука со стволом повисла вдоль тела едва ли не с облегчением. – О'кей. Ты меня спас. Значит, на то воля Револьверного Бога. Я слышу тебя, Быстрый. Ты хочешь, чтобы я сберег этого истукана? Я тебе должен.

Крыса замерла посреди комнаты, задрав остренькую мордочку к низкому потолочному небу. Что-то творилось там, за почерневшими досками, двигалось, шурило. Бог крыс и стреляных гильз отвечал своему слуге.

– Пули? – переспросил Барнби тишину. – Построить тебе алтарь?

На глаза проныры навернулись слезы. Он шмыгал носом и ползал по полу, подбирая револьверы и рассовывал патроны по щелям в полу.

– Но ведь это мой последний раз, – хныкал он. Рэндж без

удивления следил за тем, как пальцы Барнби перебирают пустые гильзы и расставляют их в сложном, одному ему ведомом узоре. Ньютон готов был поклясться, что видел, как в ранах на лице и груди Барнби что-то шевелится. Проклевывается.

– Я посвящаю эту смерть тебе, Быстрый, – повторял Барнби один и тот же наговор. Закончив, он повернулся к Ньютону.

– Теперь вопрос посложнее. – Барнби все делал удивительно шустро, теперь он быстро соображал. – Как вытащить тебя отсюда?

«И не попасть в лапы Кайла», – добавил Рэндж. От него не укрылся прицельный блеск в глазах Барнби. Он принял правила игры. На время. Так было удобно. Такое было его слово.

«Окно», – показал глазами Ньютон.

– Выстрелов не слышно, – прикинул Барнби. – Бойл все еще ждет на крыше...

Бойл ждал.

Время не имело веса. Люди выделили двадцать четыре часа и целый круг циферблата. Отдельно посчитали недели и месяцы. Год уже не лез ублюдку в голову, не помещался там. Бойл никогда не покидал теплых краев и с трудом отличал зиму от лета, мерял жизнь стаканами, степенью износа подруги, числом шрамов на теле и редкими, но от того не

менее сладкими дырками сговорчивых певичек. Плевать на сговорчивость, всех девок, особенно тех, что взял силой.

Кайл Мак-Брайт нервничал.

Он зачерпывал песок и сеял его сквозь пальцы. Уже полчаса, как отзвучала пулевая кадрили. Они выбрали отличное место для засады. Аптека стояла прямо напротив салуна. Хозяева не отказали в гостеприимстве: аптекарь отмокал лицом в быстро густеющей луже за прилавком, ноги его супруги торчали из бочки, в которой хранились бутылки с настойкой. Кайл грохнул большие песочные часы и теперь баловался содержимым их нижней колбы. В песке встречались осколки, они глубоко вонзались в пальцы, но боль была союзницей – не давала остыть крови.

Люди шерифа, выскочив на улицу, столкнулись с горячими головами Кайла Мак-Брайта. Завязался нешуточный спор. Револьверы сыпали угрозами. Кто-то поднял ставки. На ком-то поставили крест. Кто-то сдавал, кто-то колировал. Так или иначе полковник Кольт сегодня смеялся последним.

Растравив врагов как следует, банда Мак-Брайта ударилась в бег. Это тоже входило в план. Невод утащил с собой часть рыбы. В засаде остались двое. Хозяин и зверь. Острые, как челюсти взведенного капкана. И умная ловчья снасть с наживкой – внутри салуна. Только вот целью сегодня была не рыба – другой рыбак.

Очень долго не происходило ничего. Кайл скрипел зубами и задыхался от нетерпения. Одинокий выстрел! И опять вязкая, топкая, как горячая смола, тишина. Кайл Мак-Брайт поклялся, что, если через четверть часа ничего не произойдет, он самолично...

В доме закипела суета.

Что-то крикнул один из людей шерифа, выглянув из дверей. Троица, сторожившая вход, сорвалась с места и скрылась внутри. В окнах мелькнули тени. Крик вспорол ночь. Революверы раскрыли пасти, вколачивая последние гвозди в крышку гроба. Свеча в комнате шерифа высветила чей-то силуэт. Бойл немедленно встретил его четырьмя пулями. Битое стекло не звенело, а хрустело, как сухари. Одна пуля срубила свечу. Предсмертные вопли на первом этаже салуна возвестили о кульминации пьесы. Сейчас начнется самое важное. Или это уже финал?

Кайл не замечал, что сжимает в руке бритвенные жала песочных часов. С изрезанных пальцев бежали ручейки крови. Наконец двери скрипнули.

– Босс! – прохрипел Барнби, роняя на крыльцо руку с кольцом. – Босс!

Надежда коснулась лица Кайла нежным крылом и полетела дальше. «Он мертв! – ликовал Мак-Брайт. – Теперь-то он точно мертв!»

Где-то над головой Кайла целиком ушел в прицел Бойл. Он был боек и капсюль – разлученные в детстве близнецы.

Бойл слышал, как целуются песчинки, танцую вместе с ветром. Бойл окаменел, готовый в любой миг присоединить к их страсти свой инструмент, бог огня, он мечтал расплескать мозги крысы или кого угодно другого по деревянному настилу. Ноздри Кайла расширились в надежде уловить тончайший запах измены. Барнби перевернулся на спину и зарыдал.

– Пора, – вскочил Кайл Мак-Брайт и раздавил в ладони осколки, не обращая внимания на впившееся стекло. – Бойл, вниз!

Сцена обрывалась в прошлое.

Она напомнила Кайлу день, когда бабушка впервые взяла их на охоту. Олень еще дышал, когда они спешили рядом.

«Перехвати ему горло, – старуха протянула нож рукоятью вперед. Гаррисон был старше, но ангелом смерти карга выбрала Кайла. Он колебался. Стояла поздняя осень. Ветви стыдились наготы, солнце мазало их румянцем и кровью. Кайл оглянулся и увидел потупленные взгляды, потом Грю поднял глаза, и Кайл нашел в них страх – потное дрожащее безумие от самой возможности убить живое существо. – Перережь, мать твою, глотку!»

Кайл схватил нож и ударил, неумело, сбоку. Лезвие застряло в шее, олень начал брыкаться, взбивая копытами густую, как пудра, пыль. «Чего пялишься? – рассвирепела старуха. – Твоя добыча – добей ее!» Кайл придавил шею оленя к земле, вырвал нож и несколько раз воткнул со всей си-

лы. Бил, не глядя, но вроде попал куда нужно. Олень дернулся пару раз и затих.

«Теперь глотни», – Кайл едва не обмочился от ужаса. Она это всерьез?

«Ни за что! – думал закричать он. – Вали меня здесь, как этого зверя! Я не стану пить его кровь!» И тут подоспел Гаррисон. Спаситель! Он оттолкнул Кайла в сторону, тот не удержался на ногах и упал. Прошипев что-то вроде: «Сопляк! Дешевка!» – Гаррисон приник к иссякающей ране и довольно оскалится в сторону бабки. Та не оценила его прыти. «Падалыцик! – завопила она, выбрасывая из стволов ружья вдовья гильзы. – Сейчас получишь, гнилая рожса!» Гаррисон расхохотался, густо сплюнул алым ей под ноги и взлетел на вершину холма, откуда продолжил завывать и кривляться, прячась за деревьями. Уводил буку из спальни.

Огибая рот, как тонкая борода, засохли две струйки крови из прокушенной губы. Братья были очень похожи: Кайл сейчас и Гаррисон тогда. Рот в крови. Семейная примета, вестница дележки наследства.

Кайл осторожничал, но ожидание уже сожгло ему пятки.

Он видел спину Бойла, застывшего посреди улицы. Тот слушал кожей. Она никогда не обманывала, не подводила. Кожа твердила Бойлу – измена, кожа щипала Бойла – обман. Он не шевелился, едва раздувая ноздри. Руки Бойла сле-

довали своим, одним им ведомым орбитам, готовые в любой момент подарить пару монет на глаза и ключи святого Петра в придачу. Кайл заметил, что пальцы Барнби еще шевелятся, он слышал, как предательски скрипят половицы, выдавая человека на втором этаже, Кайл чувствовал гордость, что не выскочил из аптеки, а значит – имеет шанс выстрелить вторым. Но пули все не было, и уже скрип казался обманкой, пасынком воспаленного воображения, миражом.

Бойл рискнул – кожа велела бежать, кричала: «Стой!», – но Бойл не хотел праздновать труса перед Кайлом. Бойл послушался кожу, открыл пасть, втянул носом воздух, доверился человеческим чувствам.

Предал Принца, а тот не прощал измен. Бойл сделал три быстрых вихляющих шага в сторону Барнби, склонился над ним. Волк обнюхивал крысу. Та задрала голову и жалобно пищала. Волк потерял бдительность.

– Здесь маловато, – Бойл не сразу разобрал, что шепчет ему Барнби, – для двоих.

Клыки вонзились одновременно. Из спины Бойла полетели кровавые ошметки, голова крысы завалилась набок. Со ступеней плеснуло багровой волной, кровь тут же ушла в песок. Кайл не сдержал вопля досады.

– Дрянь! Скотина! Ублюдок! – бесновался он, бессильный перед страхом покинуть аптеку. Она казалась единственным надежным местом. Гаррисон убежал, старуха помча-

лась за ним, Грю ревет, а Кайл застыл у мертвого оленя с ножом в руке и не знает, бросить его, начать свежевать, наколоться на нож самому или отправить вслед животному эту сопливую девчонку – своего брата.

Наконец Кайл собрался с силами.

Город дышал гнилью. Никто больше не жил под луной. Салун стоял, как раскопанная могила, как шлюха с раздвинутыми ногами, как объятия матери. Кайл Мак-Брайт вышел из тени, и ночь ослепила его серебром. Луна накрыла улицу дырявой фольгой, каждый шаг давался с трудом, каждый взгляд стоил года жизни. Красота натурально резала глаз.

Шаркая, Кайл Мак-Брайт дотащился до крыльца. Бойл и Барнби лежали рядом, как братья из одного стручка. Смертельные враги, не способные различиться даже по ту сторону. Кайл переступил через них и вошел в дом.

Ступени молчали.

Он ждал их ворчливого голоса, надеялся, что тот расколет тишину, но чем выше поднимался, тем гуще становилось молчание.

– Гаррисон! – позвал Кайл, не в силах терпеть. – Гаррисон, брат.

Это слово, настолько естественное и родное, покрылось плесенью и воняло. Вторая дверь слева была приоткрыта. Кайл тихонько толкнул ее ногой.

Обрубок сидел прямо, как индейский тотем, вытесанный из секвойи. На его коленях горкой лежали вскрытые револьверы. У ног темнела куча тряпья. Вокруг стула, на котором сидел истукан, широким кругом стояли патроны. Это было дико. Револьверное кладбище. Казалось, немой голем требует таких подношений. Кайл ощутил непреодолимое желание выбить барабан на пол и швырнуть пустой кольт на колени своей наживки. Ужас отрезвил его.

– Ты еще жив, – удивился Кайл Мак-Брайт. Он выключил калеку из своих планов. Вычеркнул и забыл. Дверной проем требовал сделать шаг. Кайл уже выставил колено вперед, но некое седалищное чутье впилося ему, куда положено, и вернуло ногу на место.

– Где Гаррисон? – нежно, возвращаясь в роль хозяина положения, спросил Кайл.

Тотем молчал. Его глаза смеялись. Тьма и прежде обходила их стороной, а сейчас сделала исключение и для всего лица безумца. Белое, лепленное из алебастра, оно поджало губы. Лицо напоминало город с высоты птичьего полета. Узкое, неправильной формы, источенное гарнизоном морщин, исполненное триумфа.

– Думаешь, поймел меня?! – сплюнул Кайл. – Ты же безрукая игрушка. Каменный болванчик. Сейчас я закончу с братом, спущусь за сундуком, и если твой карлик еще дышит, славно позабавимся. А потом мы с тобой поедem дальше. У меня мноооооого врагов и серьееееезные на тебя планы.

– Вот так, вот так, – приговаривал он, подтаскивая одного Мак-Брайта к другому. Перетасуй их и не отличишь, кто который. Правда, разная одежда и фасон усов вносили хоть какую-то ясность.

Макабр сиял энтузиазмом. Так вивисектор режет жука или лягушку.

– Какой остолоп прячет циркача в сундуке? Оскорбление! Кошка справилась бы с замком за пару минут! А веревки? Конечно, мне давно не приходилось исполнять этот трюк, но когда-то я выпрыгивал из бочки с водой за минуту пятьдесят пять. А ведь меня опускали туда вниз головой, скованного цепью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.